

18+

Алиса
Орлова-Вязовская

Дочки -
матери

Алиса Орлова-Вязовская

Дочки-матери

«Издательские решения»

Орлова-Вязовская А.

Дочки-матери / А. Орлова-Вязовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907923-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Личная трагедия вынуждает Наталью вернуться из Мурманска в Москву. Череду встреч и, казалось бы, незначительных обстоятельств ставит её перед крайне сложным выбором. А если делать его не хочется, стоит ли перекраивать свою жизнь? И что честнее: быть плохой матерью или признаться, что вообще не испытываешь материнских чувств? В книге нет ни готовых решений, ни навязанной морали. Читатель в состоянии сам сделать выводы. Осудить героев и их поступки или просто по-человечески посочувствовать.

ISBN 978-5-44-907923-7

© Орлова-Вязовская А.
© Издательские решения

Дочки-матери

Алиса Орлова-Вязовская

Дизайнер обложки Марина Михайловна Саенко

Дизайнер обложки Саша Коэн

Редактор Людмила Яхина

© Алиса Орлова-Вязовская, 2021

© Марина Михайловна Саенко, дизайн обложки, 2021

© Саша Коэн, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4490-7923-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Вам кого? – глаза-буравчики уставились на Наталью.

– Я к Воронцовой, – она сделала шаг вперёд, но отворившая женщина не посторонилась, а напротив, прикрыла дверь, оставив совсем узенькую щёлку.

– Что ж вы, неграмотная? К Воронцовым два звонка.

– Уж простите, не заметила, – растерялась Наталья.

– Замечать надо, женщина. И кто ж вы им будете?

– Может, в квартиру пустите или на площадке объясняться? – пытаюсь скрыть раздражение, бросила гостя.

Дверь наконец открылась и перед Натальей оказалась тётка средних лет, с повязанной поверх бигуди косынкой. Прихожая освещалась одинокой лампочкой без плафона, сиротливо болтавшейся под самым потолком. Прямо у дверей громоздился огромный шифоньер без дверцы. Тётка стояла, уперев руки в бока, загораживая проход, словно давая понять, что дальше прихожей неизвестным личностям хода нет.

– Я к Воронцовой Галине Николаевне, – отчеканила Наталья, расстегнув верхнюю пуговицу на пальто.

– Что же это вы, женщина, раздеваетесь? Может, её дома нету?

Наталья глубоко вздохнула и медленно выдохнула. Она знала, что если сейчас сорвётся, бдительной тётке мало не покажется. Но вновь сдержалась и как можно спокойней произнесла:

– Уважаемая, мне нужна Галина Воронцова. По какому делу – вас не касается. И если её нет, так скажите, когда вернётся, я приду позже.

– А чего ходить туда-сюда? Она ненадолго вышла, – пожала плечами тётка. – Напрасно вы губы-то поджали. Знаете, сколько аферистов нынче ходит? В соседнем подъезде квартиру обчистили. Если вы по делу, так что ж, идите себе.

В коридоре густо пахло жареной картошкой, луком, супом, кипящим в соде бельём и мокрыми деревянными полами.

Наталья перехватила тяжёлую сумку другой рукой, двинулась за соседкой. Внезапно сбоку распахнулась дверь и в проёме показалась щуплая старушка.

– Из собеса? – неожиданно низким басом крикнула она, требовательно уставившись на гостью.

– Нет! – громко, как на другой берег, ответила тётка. – Это к Гальке.

За спиной старушки так же неожиданно появился старичок.

– Это из собеса? – сердито переспросил он.

– Да не из собеса! – рявкнула тётка. – Ничо не слышат, обалдели совсем, глухари старые. Сказано ж: к Воронцовой.

– Гальки дома нету! – сурово пробасила старушка.

– И чо? Женщина обождёт маленько. Идите уж, Анна Пална, всё вам знать нужно.

– Без хозяйки да в комнату. А унесёт чего?

– Да чо там брать-то, – махнула рукой соседка.

Наталя почему-то извиняющимся тоном торопливо пробормотала, глядя на старушку:

– Я к Воронцовой по делу.

Старички смотрели осуждающе, поджав и без того запавшие рты. Ходят тут всякие, да ещё не из собеса.

Длинный, как кишка, коридор был щедро заставлен тюками. Наталя в полумраке налетела на сломанный стул, тотчас из-за узкого стеллажа вывалилась лыжа и стукнула её по плечу.

– Аккуратней, женщина, шуму от вас, – неодобрительно заметила тётка, ловко маневрируя между препятствиями.

Наконец остановились у нужной двери и соседка, без стука распахнув её, крикнула вглубь комнаты:

– Люся, ты тут? Не набедокурила чего? Вот, гости к вам.

Довольно хмыкнув, она энергично кивнула и отправилась в кухню, а Наталя, набрав воздуха, как перед прыжком в холодную воду, сделала шаг вперёд. Ничего толком разглядеть не успела. Всё было нечётким, как на плохой фотографии. Кроме девочки, что выбралась из-под стола и с любопытством уставилась на гостью. Ну конечно, в глубине души Наталя рисовала что-то подобное. И хотя пыталась строить догадки и версии, всё настойчивей склонялась к одному. Не знала, увидит мальчика или девочку, но что ребёнка – была почти уверена.

– Ты кто?

– Я? Наталя Валентиновна... тётя Наташа, – покорно представилась она. И тут же спохватилась, что вовсе не обязана миндальничать, потому как ничегошеньки плохого этой малявке не сделала и уж точно ничего не должна. Опустила сумку на пол и неторопливо начала растёгивать пальто.

– Ну а тебя как зовут?

– Люся, – с готовностью ответила девочка, подойдя ближе и с явным любопытством рассматривая гостью.

– И сколько же тебе лет? – продолжала дежурные вопросы Наталя, стараясь дать себе время полностью успокоиться.

– Вот! – девочка подняла вверх ладонь, приложив кулак с оттопыренным пальцем.

– А что ж, словами не знаешь? Чего как маленькая показываешь?

– Так быстрееча выходит, – пожала плечами Люся.

– А нос чего грязный? Простыла?

– Не-а, это сопля выскочила, когда я чихнула, – девочка задрала платье и быстро вытерла под носом.

– Мать честная! Ты что же, подолом вытираешься? А платок-то где? – опешила Наталя.

– Так я с изнанки, там не видно соплю-то. А платок давно потеряла. Жопарика хотела сделать, как Витька, только он не получился, – пригорюнилась Люся. И тотчас, всплеснув руками, залопотала: – Ой, сапожки у тебя какие красивенькие, блестят! Только ты их сними, нельзя по комнате в сапожках.

– Сниму, конечно, тапки-то есть?

– Не-а, в них мамка ушла на пятый этаж к Боруновым. У нас больше тапок нет.

Гостья вздохнула, просеменила на цыпочках – колготки жаль, села на продавленную кушетку. Люся с готовностью забралась рядом с ней, руки положила на колени, пухлыми пальцами поковыряла плохо заштопанную дырку на колготках. Наталя откровенно разглядывала

девочку, стараясь найти черты Андрея в круглых серо-голубых глазах, в коротком прямом носе, искала ямочки на щеках. Вроде форма рта похожа, у брата так же нижняя губа была чуть больше верхней. Но волосы у него светло-русые, а Люся совсем беленькая. Может, потемнеют с возрастом? Пальцы коротковаты, у Андрея кисть была узкая, друзья посмеивались, мол, тайный потомок аристократов. Хотя... у самой Наталья пальцы совсем другие и кисть мягкая, типично женская, на такой всегда выгодно смотрятся кольца и маникюр. А вдруг Люся больше похожа на неё? Бывает же.

– Кофточка у тебя красивая, – мечтательно протянула девочка. – И юбочка, и сапожки.

– Да ладно, кофта как кофта, – улыбнулась Наталья. – У тебя наверняка тоже нарядов полно.

– Не-а, нету, есть сарафан и юбка, только они некрасивые и рейтузы зелёные – я их не люблю! А ты нарядница такая, тётя Таша!

– Таша?!

– Это чтоб красивше, – пояснила Люся. – У нас в группе есть Наташка Кудина, она некрасивая совсем, а ты красивая. Наталья не нашлась что ответить.

– А зато у меня вот чего есть! – Люся нырнула под кушетку и через секунду выскочила, сунув Наталье прямо в лицо пластмассовую снежинку, окрашенную золотой краской.

– Правда красивенькая? Глянь, тама в серёдке камешек блестит.

– С ёлки взяла?

– Не, от Ленкиной юбки оторвала, – спокойно ответила девочка.

– Как оторвала, зачем?

– А у Ленки вся юбочка была в снежинках. А на пояске золотеньким нарисовано, а ещё у неё... – Люсины глаза стали совсем круглыми от избытка чувств. – У неё чешки были золотые!!!

– Она на празднике снежинкой была? – пытаюсь скрыть странное чувство раздражения, смешанное с жалостью, спросила Наталья.

– Ага, и у неё была такая беленькая юбочка, как у царевны, и на голове ещё снежинки были.

– Разве хорошо – девочка наряжалась, а ты ей костюм испортила?

– Да я же не с головы оторвала, а с юбки, даже не заметно совсем, – развела руками Люся.

– Ну, а ещё какие костюмы были?

– А-а-а ну там, у Серёжки был снеговик, у Светки – лисичка, у Димки – кошный костюм.

– Какой?

– Да кошный! Ты чего, не понимаешь? И он мяукал, пока Нина Сергеевна не заругала, а потом хвост ещё у него отвалился, когда мы хоровод водили.

– Теперь понятно, – хмыкнула Наталья.

– А Ленкино платьице красивше всех было. Зато у меня теперь такая снежиночка есть.

– Что же ты про свой костюм не рассказываешь?

– У меня не было, – пожала плечами Люся. – Только дождик в волосах. Мне Нина Сергеевна с ёлки сняла и приколотла.

– Что же это ты одна без костюма? – вырвалось у Натальи.

– Так мы бедные, – пояснила девочка, глядя на гостью как на нерадивого ученика, что переспрашивает давно понятное. И заметив, что та удивлённо приподняла бровь, пояснила: – У нас денег нет. Ленка-то богатая, потому что у неё родители евреи. Все евреи богатые.

– Бред какой, – пробормотала Наталья. – Где таких глупостей наслушалась?

– Все говорят. И тётя Клава, и мамка.

– Какая тётя Клава? – хмуро переспросила гостя.

– Соседка. Ты же сама с ней пришла, тётя Таша. Вот забывака, как деда Крутиков, – рассмеялась Люся. – Он мне всегда говорит: «Как тебя зовут?» Я ему – Люся. А он на другой раз обратно спрашивает.

Наталя слушала детскую болтовню вполуха. Не так, ну не так представляла она эту встречу. Но если уж совсем откровенно, по совести, раздражение, что успело захватить её целиком, направленно совсем не на девочку, а на то, что выскакивает из маленького рта, так похожего на Андриюшин. Вот дура! Дура и есть! В конце концов, предъявлять претензии к шестилетнему ребёнку – глупость несусветная. Мамаша хороша, не сподобилась дочке костюмчик приличный сделать! Видимо, у бедолаги Ленки, оставшейся без снежинки на платье, мама озабочилась. Вишь, даже чешки раскрасила. А Людмила как сирота казанская – ни наряда, ни украшения. Наталя помрачнела, даже губу прикусила от обиды за девочку. Встала, прошлась по комнате, машинально окинув взглядом неприхотливое убранство. Да, пожалуй, Люська права, обстановка и впрямь скромнее некуда. Два окна с плохонькими задергушками без тюля смотрелись как-то не жило, по-общежитскому. Кушетка старая, две тощие подушки изображают спинку, вроде как диван. Клеёнка на столе вытерлась по углам, и рисунок давно облез. Три стула и все разные. Шкаф допотопный, торчит как бородавка. Чего к стене не придвинули? Ах, вот оно что: за шкафом Люсина кровать. Ещё бы ситцевой занавеской угол отделили! Кровать-то для маленьких совсем – молодцы! Убрали переднюю решётку – и пожалуйста, спи себе, деточка, пока ноги в спинку не упрутся. Хозяева! Потом, небось, табурет подставят. Господи, какая тоска! Ни коврика, ни салфеточки! И вроде явного мусора нет, а чувство, что тут всё липкое и затхлое. Наталье отчаянно захотелось уйти и желательно забыть совсем. Словно она ошиблась адресом, попала к чужим людям, потеряла время. Не надо ей этой встречи! Вот сейчас пойдёт на кухню к бдительной соседке Клавдии, что всё знает о еврейских богатствах, и скажет, что времени у неё нет, на поезд опаздывает. И привет. Нет никаких Воронцовых и не было никогда. Как теперь нет Андрея. К горлу подкатил комок, еле сообразила, что Люся дёргает её за рукав и что-то бормочет смешным своим чуть сиплым голосом:

– Таша, смотри, глянь, это моя кукла Вика. Она красивая была, только волосы отвалились. У меня зеркальце есть, ма-а-а-хонькое, ещё две бусинки и пёрышко.

Наталя провела по лицу ладонью. Попыталась улыбнуться – получилось криво, даже девочка заметила. В круглых светлых глазах просквозило сочувствие. Приложила ладошку к Натальиному лбу.

– Ты заболела, ой бедная! Соплями или скарлатином? Ты вот ляжь на мамкину кровать, а я тебя укрою.

Отчего-то стало приятно. Надо же, добрая девочка или почувствовала, что не чужой человек? А Наталя не почувствовала пока, может, позже?

– Нет, Люся, я здорова, устала просто. А вот смотри-ка, что у меня есть, – она поспешно раскрыла сумку. Да знай Наталя наверняка, что живёт-поживает у неизвестной гражданки Воронцовой дочка, так хоть куклу бы купила или шапку пуховую. В последний момент не решилась прийти с пустыми руками и прихватила коробку конфет да апельсинов. Вроде как нейтральный подарок. Вдруг да таинственная незнакомка оказалась бы пожилой женщиной или супругой товарища, ну или ещё кем-то. Ой, врёт сама себе, Наталя Валентиновна. С какой такой радости стал бы брат переводить каждый месяц деньги, квиточки от которых она нашла в его бумагах? Ясно же, что так только алименты платят. Да, но ведь там не указано, мальчику они или девочке. Ну, купила бы куклу, а тут раз – и пацан. Но теперь непременно нужно Люське хорошую куклу подарить. Что ж это, игрушек раз-два и обчёлся, да и те старые.

Напрасно расстроилась. Увидев коробку конфет, Люся аж задохнулась от счастья. И Наталье вновь стало неприятно. Чего ж это, дитё конфет не видело или апельсины дольками выдают по одной в день? Решительно фрукт почистила и, разломив, протянула девочке.

– Ешь, только аккуратно, а то сок потечёт.

– Шпасибо! – с полным ртом пробормотала Люся, напряжённо глядя, как гостья расправляется с узкой ленточкой на коробке конфет.

– Можно две вожму?

– Да хоть все, – вырвалось у Натальи, и она тут же поправилась, – нет, все сразу не надо. А то диатез начнётся.

– И жопка шлипнется, – знающим тоном поддакнула Люся.

Скрипнула дверь, и девочка, не оборачиваясь, пояснила:

– Мамка пришла.

Наталья нагнулась поднять упавшую корку, тянула время. Отчего-то сердце забилося сильно-сильно.

– Во, глянь, какая ко мне Таша приехала, с подарочками! Красивая, богатая, нарядница, совсем как Ленкина мама!

Когда Наталья вышла на улицу, уже смеркалось, хотя было всего часов пять вечера. Спотыкаясь и утопая модными сапожками в грязной снежной жиже, добралась до конечной шестого трамвая. Народу на остановке собралось порядочно, и все нагруженные через край авоськами, свёртками. Лица уставшие, но довольные. Удачный поход: в канун праздника да столько накупили! На Наталью с пустой сумкой поглядывали сочувственно даже мужчины. Видать, нерасторопная дамочка, если, стоя почти рядом с магазином «Смена», умудрилась даже плохонькой поклажи не занять. И как она не обратила внимания на большой универмаг, когда шла к Воронцовым? Купила бы девочке платье какое понарядней или юбочку. Да хоть колготы, в конце концов. Вот дурочка! Она же тогда не знала про Люську, шла наугад. Наконец подъехал трамвай, сердито звякая, словно ему самому не терпелось вернуться в депо, а тут встали – вези их до самого Тушина. Наталья успела опередить нахального усатого дядьку и села возле окна. Лицо спрятала в пушистый воротник и привалилась головой к замёрзшему стеклу. Даже глаза закрыла, чтобы думать не мешали. А думать предстояло долго и не слишком радостно.

Галя Воронцова оказалась совсем не такой, какой Наташа её рисовала в воображении. Перво-наперво, внешность молодой женщины совершенно разочаровала. После неухоженной комнаты представлялась молодая развязная деваха, с яркой косметикой и непременно химической завивкой. Нагловатая, смазливенькая и горластая. А Галя оказалась никакой, как сдобная булка до выпечки. Бледная, рыхлая, вялая. Ни одной запоминающейся черты. Вроде не худая, не толстая, а фигура оплывшая, как у тряпичной куклы. Глаза прозрачные, с раз и навсегда застывшим просительным выражением. Тёмно-русые волосы, собранные в хвост и зачёсанные назад, открывали мягкий безвольный лоб, на который то и дело наплывали толстые складочки, если надо о чём-то задуматься. Вся она какая-то сонная, и даже речь медленная и голос не выразительный, как у приглушённого радио. Зато теперь понятна Люськина манера всюду вставлять уменьшительные суффиксы. Наталью всегда корбила манера взрослых людей сюсюкать. Эти Галины: «денюжки», «мяско», «колбаска», «платьишки» и «пальтецо» заставляли вздрагивать каждый раз от гадливости, будто навозная муха норовила сесть на лицо. Господи, как мог брат польститься на эту невзрачную и к тому же совершенно недалёкую женщину? Слишком не вязался её унылый облик со смешливым обаятельным Андреем. Вот спроси сейчас Наталью как на духу при всей своей отзывчивости и пусть грубоватым, но вполне мирным характере – не приняла бы такую невестку, не одобрила. Другое дело – Люська. Даже думать не хотелось, что Галя доводится ей матерью, для неё она дочка Андрюши и всё тут.

На одной из остановок рядом плюхнулась тётка с кучей сумок и пакетов. Из одной кошёлки торчала еловая ветка. Тётка довольная, что захватила место, локти расставила, как баба на чайник, оберегая завоёванное пространство. Трамвай вновь сердито взвизгнул и дёрнулся, еловая ветка хлопнула Наталью по щеке. Стоило бы ругнуться и ушлую тётку одёрнуть,

но сил не было, как будто вялая Галина своим тягучим разговором всё вокруг усыпила. Стоило прикрыть глаза, как в голове зазвучал её бесцветный голос и потекла речь как на пластинке давно заезженной или радиоспектакль отслушанный-переслушанный.

– Конечно, Наташенька, вам легко говорить, что, мол, у Люсеньки костюмчика не было. Что ж, в долги влезать ради утренника пустячного, она уж и забыла про него. Я ж мать, мне главное, чтобы у ребёнка покушать было. Разве ж она голодная когда ходила? А платишко старенькое на ней. Так и то добрые люди дали. На мою зарплату разве накопишься нарядов всяких? Я и сама-то видите, как одета? Вы, Наташенька, привыкли, что муж и брат обновки покупают. Вон и кофточка у вас какая богатая, и пальтишко с песцовым воротником, и сапожки модные, и шапочка меховая.

– Галя, а кем ты работаешь? – сдерживаясь от вертевшейся на языке язвительной колкости, спросила Наталья.

– Я? Да... тут недалеко, в поликлинике гардеробщицей.

– Завидная работа. А что ж другой не нашлось?

– Откуда ж, образования нету, – загнуса Галина. – А так рядом с домом с восьми утра и до обеда. Потом старичок приходит, сменщик. Он до вечера сидит.

– И Люсю после обеда берёшь?

– Зачем? – искренне удивившись и округлив глаза, проронила Галя. – Садика до шести работают.

Наталья еле сдержалась, чтобы по своему обыкновению не ответить резко и, возможно, по-хамски, как всегда, когда собеседник вызывал раздражение, но вновь сдержалась.

– Значит, ты с обеда дома сидишь, а девчонке колготы нормально зашить не можешь?

Галина округлила глаза ещё больше, мягкий безвольный рот приоткрылся. Пошарила в кармане и, не найдя платка, громко шмыгнула носом.

– Вы, что ж, Наташенька меня попрекаете, поворочали бы чужую одежду, к обеду уж и рук не чувствуешь, и спина ноет. Опять же, люди разные идут, кто и нагробить может или номерок обронил, а пальтецо подай. Зарплата копеечная – не чета вашим доходам. Так и я могла бы ребёночку новую одежду купить, а не старую латать. Думаете, у меня сердце не болит, что Люсенька в старых платишках ходит? Я ж мать.

– Не причитай! – взорвалась Наталья. – Андрей посылал тебе деньги, а последний месяц я перевела. Когда... когда... брат погиб.

– Ну да, ну да, – закивала Галя.

Наталья до последнего надеялась, что, узнав о гибели Андрея, эта женщина очнётся и в глазах её плеснёт удивление, сострадание, а может даже, и слезинки покажутся. И тогда они вместе помолчат и, обнявшись, поплачут, как подруги, которых горе связало больше, чем закадычная дружба. Но если Галина и пожалела о чём-то, то, скорее всего, о потере денег. С Андреем они не были расписаны, алименты теперь платить некому.

Потом когда Наташа, сидя в трамвае, прокручивала разговор с несостоявшейся невесткой, даже обрадовалась, что так вышло. Не поймёт эта снулая рыба, какой страшный день пришлось пережить. Будто мир лопнул как мыльный пузырь и кругом только пустота – вязкая, холодная. Где можно только страдать, задыхаться и медленно умирать. Наташе долго казалось, что такое может быть только в кошмарном сне или в кино. Она сама охотно посочувствовала бы героине, разом потерявшей мужа и брата. И утешалась бы мыслью, как самозабвенно бросается наш советский человек на ликвидацию аварии. И оправдывала погибших героев. А теперь... теперь Наталья предпочла бы, чтобы и муж, и Андрей были вовсе не такими порядочными и ответственными. И жили бы по принципу: «моя хата с краю». И правильные речи, что звучали во время похорон, совершенно не проникали в душу, не утешали и не поддерживали, как и толпа, что горестно вздыхала, и целые охапки цветов, что достать в ноябрьском Мурманске равнялось чуду. И только когда обессиленная от крика молоденькая жена Игоря Плахова,

погибшего вместе с родными Натальи, вдруг замолчала и, закинув голову, повалилась навзничь, все засуетились. И безликая толпа обернулась людьми, готовыми помочь хоть чем, хоть снять на морозе платки и шапки, подсунув под голову упавшей женщине. Тогда Наталья наконец заплакала, чувствуя, как много чьих-то добрых рук придерживает её за плечи. И кто-то суёт носовой платок и гладит по голове, по спине, растирает онемевшие пальцы. Ох, Господи! Это же невозможно! Изо дня в день прокручивать события тех страшных дней снова и снова. Словно приговорили её к пожизненному наказанию возвращаться в распроклятый ноябрь.

Наталья пальцем поскребла по замёрзшему окну – ничего не видно.

– Не подскажите, какая следующая остановка? – спросила тётку рядом.

– Тушинская, – буркнула попутчица и, неодобрительно зыркнув на Наталью, обратилась к стоящей рядом девушке. – Вот ведь, водитель только что объявил – ничо не слышит, наотмечалась, поди, на работе.

Дед сбоку радостно вступил в разговор:

– А сейчас много датеньких едет. Взяли моду на работах гулянки устраивать. Моя невестка Зинка вот так же после восьмого марта пришла. Напилася, аж срам! В лужу свалилася, пальто новое угваздала, зараза! Хорошо хоть, Петя, сынок ей прямо в дверях гостинчика преподнёс.

– Да вы что?! – с радостным любопытством подхватила тётка. – Неужто леща отвесил?

– Как есть, ровно под глаз засветил, – удовлетворённо закивал дед.

– И правильно! Где это видано, чтобы женщина с работы пьяная явилась? Ладно бы с мужем в гостях была, да перебрали оба маленько, а то вишь.

Наталья поднялась с места и, бесцеремонно пихнув торчащую еловую ветку, направилась к выходу.

– Аккуратней, дамочка! – прошипела тётка. – Приняли лишнего, так и ехали бы на такси.

Наташа резко обернулась и плеснула на попутчицу таким взглядом, что та невольно рот приоткрыла и вжалась спиной в спинку сиденья.

– Рот закрой – простудишься, – с хамоватой ухмылочкой процедила Наталья. И шла от этой молодой высокой женщины явная угроза, что начисто отбивала желание спорить и отвечать. Дед на всякий случай отвернулся и прижал к груди авоську с апельсинами, словно спрятавшись за ней. Наталья победно вскинула голову и уже от двери громко бросила:

– С наступающим, дедуля, невестке Зинке привет передавай.

Эта грубая никчёмная выходка почему-то придала бодрости. И на короткое время она вновь превратилась в уверенную, никому не дающую спуску Наталью Ариншину, а не в потерянную от горя, тихую и молчаливую Наташу. Задора хватило до подъезда. Но, оказавшись в квартире, она словно воздушный шар, из которого воздух выпустили, опустила плечи, съжилась и даже ростом меньше стала. Медленно расстёгивала пуговицы на пальто, снимала высокие модные сапоги. Бросила вещи на стоящие повсюду коробки и перевязанные бечёвкой сумки. Ничего разобрать не успела, помчалась как ненормальная по адресу, найденному в бумагах брата. Может, и зря? Не знала она раньше о Воронцовых и прекрасно себя чувствовала. Да, но тогда у неё была семья, а теперь нет никого. И мысленно цеплялась Наталья за неухоженную, заброшенную девочку, как утопающий за соломинку. Вроде как она не одинокая, есть у неё племянница Люська. Опять нахлынула тоска, такая горькая, аж замутило. Наташа присела к столу в кухне, машинально повертела в руках чашку с недопитым чаем. Сделала глоток и сморщилась – чай был холодный, не сладкий и такой противный, что опустила чашку на блюдце с размаху. Жидкость плеснула вверх, и рыжие кляксы расплзлись на пластиковой столешнице. Она будто бы дождалась условного знака. Несколько секунд смотрела на грязный стол и вдруг зарыдала тяжело, отчаянно, с надрывом и всхлипами, бессильно уронив голову на руки, пачкая рукава дорогой кофточки в пролитом чае. Очнулась, только когда с соседского балкона раздались крики:

– Коля! Идиот! Потом докуришь, без пяти двенадцать!

Наташа подняла голову. Господи, Новый год наступил! Неужели теперь каждый год она будет встречать вот так – несчастная и совершенно одинокая? И никому не нужны будут ни её заботы, ни она сама. Провела по выбившимся из причёски волосам, одёрнула кофту. Ну хватит, расслабилась – и достаточно. Так и с ума сойти можно. Она не рыхлая размазня вроде некоторых. И Наталья, поджав губы, словно вялая Галина сидела напротив и взирала на неё пустыми прозрачными глазами, направилась в комнату и, открыв чемодан, вытащила домашний халатик. Кофточку швырнула в ванну и, переодевшись, принялась наводить порядок. Она яростно натирала зеркало в ванной и продолжала подбадривать себя руганью с воображаемой собеседницей.

Вот ведь квашня, соплежуйка! Другая бы на три работы устроилась, лишь бы дитё обустроить! Дома шаром покати, по соседям ходит, как попрошайка последняя! Ни стыда ни совести! Да мало ли рукастых женщин, что из старого перешьют так, что вокруг обзавидуются. Сколько ткани на такую малявку надо? Ей два носовых платка на косынку хватит. А комната? Взяла тряпок да навязала ковриков – всё нарядней. Ишь, ноет ещё! Денег нет, денег нет! Да мозгов у тебя нет, курица ты задохлая! Где это видано – ребёнку на праздник костюм не справиться? Да купила бы марлю в аптеке, украсила блёстками – вот тебе и «Снежинка». Наташа поставила чайник и, сев дух перевести, закурила. И тотчас перед глазами замелькали фасоны новогодних костюмов для Люськи. Ей бы сарафан, длинный до полу, с шёлковой лентой, с вышивкой, кокошник из картона, украшенный бусинами. К светлым волосам такой наряд – загляденье! Или лучше голубое платье, с белой пушистой отделкой и шапочка. Ох и Снегурочка бы вышла! Наспех выпив чаю, она вновь принялась разбирать вещи, укоряя Галину в нерадивости и лени.

Наташа даже обрадовалась, когда почувствовала усталость. Радовали покрасневшие от воды руки и даже синяк, что поставила, неловко задев ногой угол чемодана. К половине пятого утра она наконец утомилась. Спать хотелось до невозможности. И за долгое время Наталья почувствовала, что теперь она уснёт, как только в кровати окажется. И не будет ворочаться с боку на бок, тяжело вздыхая. Пошатываясь от усталости, она застелила постель, набросив одеяло поверх простыни – вставить его в накрахмаленный пододеяльник сил не хватило. Вот так и встретила праздник Наталья Валентиновна Ариншина – молодая вдова, неожиданно ставшая тётей смешной, сопливой девочки Люси.

Соседка еле дождалась ухода незнакомки, изнывая от любопытства.

– Ну, Галя, я уж думала, она ночевать собралась. Сидит и сидит, словно прописалась.

– Да что ж, не выгонять же было? – пробормотала Галина.

– Чего ей надо-то было?

– Да... Сестра она этого, моего... ну, отца Люсиного.

– Гляди-ка! А я уж думала, что жена его прознала об тебе и скандалить пришла. Даже засомневалась, может, милицию позвать? Мой-то ещё не пришёл, не на старых же пенёчков Крутиковых надеяться? Ну, и чего было дальше?

– Уж и не знаю. Налетела словно коршун: то не так, это не эдак, одними попреками измучила, будто свекровка.

– Вот дела! Ой, батюшки, пирог-то в духовке забыла!

Соседка стремглав бросилась в кухню, Галя поспешила за ней. Она чувствовала, что превратилась – пусть и на короткое время – в человека интересного, значительного, которого готовы слушать с явным вниманием и ждут не дождутся рассказа.

– Ну вот, значит, – продолжила Галина, уютно усевшись за соседский стол, привалившись спиной к стене и, как обычно, безвольно уронив руки. – Срамила меня, срамила сестрица эта.

И как совести хватило? Чего, мол, девочка в латаном-залатанном, чего игрушек нету, чего кровать коротенькая?

– Вот наглая! Ну, а дальше? – бросала на ходу Клавдия, с удвоенной энергией расправляясь с грязной посудой, с грохотом роняя противень, выскользнувший из жирных рук. – Ах! Чтoб тебя! Галя, на-ка овощи почисть для салата, пока я селёдку разделаю.

Галина придвинула к себе миску сваренной в мундире картошки и начала медленно тянуть за лохмушку кожуры.

– Вот я и говорю, Клав Семёновна, вы, говорю, Наташа, богато жить привыкли, вам не понять, как я мыкаюсь.

– Да-да, я сразу заприметила, одна шапка, поди, рублей двести! Ну и дальше?

– А чего ж, муж с братом денежками закидали, так можно и не работамши в потолок плевать да по магазинам бегать.

– Скажите, наглая какая? А чего сам-то не пришёл, сестру отправил? Обженился, что ль, уже с кем?

– Не-е-ет, – протянула Галина, безуспешно пытаясь всхлипнуть. – Помер он. С месяц тому назад. Погиб, что ли, вроде авария у них там случилась. И её муж вместе с ним.

– Да ты что?! – Клавдия на мгновение застыла и, уставившись на соседку расширившимися глазами, зловещим шёпотом добавила: – Я всегда говорю: Бог не Тимошка, видит немножко, бросил дитё – вот и отвечай. И сестрице наука: как не станет богатого мужа, так запрыгает.

– Ай, да чего ей, пожалуй, на книжке денежек нечитано. Которые с севера, у них, говорят, зарплаты большие. Мне бы хоть четвертинки хватило. Да богатые все жадные. Думает, привезла апельсинов – и хватит.

– И денег не оставила?

– Ну-у-у-у, – замялась Галя, – сунула двадцатку. Да ей и не заметно, наверное.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок – деньги хорошие! Это ж тебе повезло, с мужика-то теперь не требуешь.

За всё время беседы Галя успела почистить одну картошину, но увлечённая разговором Клавдия даже не возмутилась. Плехнувшись на табурет ближе к соседке, она быстро и ловко принялась за овощи, внимательно слушая повествование, время от времени вставляя свои замечания, поддакивая или возмущённо поругивая богатую гостью.

Только часа через два Галя вспомнила про дочку. Неохотно рассталась с насиженным местом и отправилась в комнату. Объевшаяся гостинцами Люська успела задремать прямо на кушетке, уткнувшись носом в апельсиновые корки. Вот и хорошо, не придётся долго укладывать. Можно наконец примерить взятое у соседей платье. Дверь приоткрылась.

– Галя.

– Т-с-с, уснуло дитё-то.

– Ага-ага, давай платье-то покажи и волосы тебе надо накрутить. А то ровно лахудра какая. Я тебе щипцы дам, ты по-быстренькому концы накрутишь и оставь распушенные. И губы покрашь. Есть у тебя помада?

– Не помню. Вроде была, да там мало осталось.

– Не беда, спичкой наковыряешь. Зацепишь жениха, так он новую купит.

Бледное лицо Галины порозовело, в равнодушных глазах мелькнула живость. Хотела сразу же за щипцами пойти, да вспомнила про Люсю. В кровать, что ли, отнести или на кушетке оставить? Может, оставить? А вдруг свалится во сне, чего доброго проснётся, заревёт, испортит праздник. А у Галины слишком много надежд на этот новый год. Ладно, пусть спит на кушетке, можно стул подставить, авось не упадёт. Ох, ещё корки да фантики от конфет убирать. Ну что за наказание! Вот с детьми мороки, вечно намусорят, а мать – убирай. Наталья небось приехала в чистую свою отдельную квартиру и сидит, руки сложив, ровно принцесса.

Галя словно наяву видела забитый деликатесами холодильник, ковры на стенах, цветной телевизор, люстру «каскад» и праздно сидящую на бархатном диване Наташу в нейлоновом стёганом халате. Вот всегда так: одним всё, другим – ничего. Даже теперь, когда новая родственница потеряла мужа, положение её в сто раз выгодней. В чужих глазах она по-приличному, по-людски – вдова, а Галя – мать-одиночка. И кому лучше? Захоти Наталья и может ещё раз замуж выйти, у неё хвоста нет вроде Люси. Одно слово – повезло!

Клавдия Семёновна вновь убежала на кухню, а Галина всё же перенесла дочку на кровать и прикрыла стареньким пледом. Раздевать не стала, сняла только колготки. А что? Пока платье расстегнёшь – разбудишь. Возись потом с укладыванием, а ей ужас как надо себя в порядок привести. Это не просто новогодний праздник, может, судьба решается. Да и уж, говоря откровенно, не слишком часто Галину в гости звали, да ещё так уговаривали. Она сходила к соседке за щипцами и, усевшись за стол, пристроила зеркальце между чашкой и сахарницей, чтобы не упало. Накручивалась старательно, аж ухо обожгла и висок немного. Чужое платье сидело не слишком ловко, явно не её рост. Да ладно, мелочи какие, зато богатое – ацетатный шёлк всё же, не ситец какой. Надела крохотные серьги с жёлтым камушком, оставшиеся в наследство от тётки. Вооружившись спичкой, наковыряла из опустевшего тюбика красно-оранжевой помады. Вызвалась помочь Клавдии накрывать стол, но двигалась, как всегда, неторопливо. И, поставив тарелки или очередное блюдо, надолго застывала перед большим зеркалом в чужой комнате, поправляя волосы и проверяя, не смазалась ли помада. Галя знать не знала, не видела заочного жениха, но отчаянно хотела понравиться. Ей казалось, что только официальный брак поднимет её на много ступеней выше, сделает ровней остальным. Опять же, муж станет приносить зарплату, а, по словам Клавдии, жених – мужчина солидный, стало быть, не бедный. Знает, что есть ребёнок и вроде не возражает. Это ж какой идиоткой надо оказаться, чтобы пропустить своё счастье? Она так хотела замуж, что жених заранее был по душе.

Иван Никифорович оказался невзрачным мужичком с острым носом и глубоко посаженными глазами. Рыжеватые волосы аккуратно зачёсаны на бок, скрывая залысины. Взгляд жёсткий, смотрит так, словно он про тебя знает что-то тайное и ждёт, когда же можно будет поймать собеседника на вранье. Видно, не зря много лет кадровиком работал на автобазе вместе с мужем соседки.

Галя оробела, сидела потупившись и смущённо ковыряла вилкой салат. Клавдия с мужем старались вовсю: Никифорович мужик важный, какое-никакое начальство. С таким лучше приятельствовать. Соседка то и дело выбегала на кухню, вроде как принести чего-то, пихала опьяневшего мужа в бок, мол, пойдём, поможешь. Иван Никифорович подсел к Галине, уставился своими колючими глазками:

- Так ты, значит, деревенская?
- С посёлка, под Кубинкой, – пробормотала она.
- Это недалеко, – протянул Иван Никифорович, закуривая папиросу.
- Да, электричкой и автобусом маленько.
- А в Москву как попала?

– Дак тётка давно здесь жила. Дом старый, барачный. Она мне говорит: пропишись ко мне и комнату большую дадут. Вот дали, тётка через год померла. А мы остались.

– Комната это что – отдельная-то квартира лучше. Я вот сейчас тоже в комнате живу. Как с женой развёлся, пришлось разменяться. Но я так жить не люблю, мне надо, чтобы своё было, личное. Мне квартиру получить – раз плюнуть, только одному не дадут, а вот если семья...

Галя вспыхнула, опустила голову. Сердце застучало как сумасшедшее – про семью говорит просто так или намекает?

– А вы что не кушаете, Иван Никифорович? – как можно заботливей спросила она. – Может, вам салатик положить или колбаски хотите?

– Потом, давайте лучше выпьем, праздник всё же.

Галя вновь порозовела, взяла протянутую рюмку.

– Уж я немножко ради праздника, Иван Никифорович. А так я строго с этим, баловства какого себе не позволяю. Всё больше по хозяйству, по дому, я ж мать.

– Ну, ясное дело. Тяжело, небось, одной?

– Как не тяжело? Разве хорошо в одиночку ребёночка поднимать?

– Чего ж ухажёр-то не женился? Сбежал?

Галя отчаянно покраснела, на лоб набежали складки.

– Да... да, он... мы хотели уж записаться, а он помер.

– Так ты, стало быть, вдовая, Галя?

– Выходит, так, – стараясь вздохнуть глубоко и как можно жалостней, пробормотала она. Ну, для устройства судьбы и маленько приврать не грех. Вот и от злобной Натальи польза: вовремя сообщила о смерти брата.

– А я разведённый. Такая стерва жена попалась! – скривился Иван Никифорович. – Дом полная чаша – живи не хочу. Я человек обстоятельный, у меня всегда порядок должен быть. А она не ценила, да и хозяйка так себе.

– И разговору нет! – подхватила вернувшаяся из кухни Клавдия. – За таким мужем как за каменной стеной. Видать, избаловали вы свою супругу – вот и результат. А кому она теперь нужна-то будет? Ей уж, поди, за сорок. Да сынок у вас большой. Какой мужик на такую позарится, да ещё с пацаном старшекласником? А вы мужчина в самом соку, за такого каждая пойдёт с радостью, даже молодая. Вот наша Галина девушка скромная, тихая, послушная. Опять же, деревенская, это городские – девки ушлые. А что с ней по молодости ерунда приключилась, так дело то житейское. Несмышлёную девчонку окрутить ума не надо. Заморочил – и в кусты.

– Да я уж рассказывала Ивану Никифоровичу, – пихая соседку под столом ногой, бросила Галя. – Он хотел расписаться, не отказывался вовсе, да погиб при аварии.

– А... ну да, – спохватилась Клавдия. – Я к тому, что тянул долго с женитьбой, по-людски надо было сперва в ЗАГС, а уж потом ребёнка.

Иван Никифорович вальяжно развалился, одну руку положил на спинку Галиного стула. Ему нравилось, с каким явным интересом и уважением она слушает, поддакивает на каждое слово, всё норовит предложить новое блюдо. Удался праздник, что и говорить. Не зря согласился в гости прийти. Хотя для виду и большей важности отказывался долго и вроде как в последний момент снизошёл. И правильно, он кто? Начальник отдела кадров, а Клавин муж Егор – простой шофёр. Надо бы и своё место знать, ему не по чину вот так сломя голову по первому зову бежать. Да, Клава не соврала про соседку. Видно, что скромная, краснеть не разучилась. Опять же, не красавица. Красивых, ярких женщин Иван Никифорович в глубине души побаивался и испытывал к ним антипатию. Понимал, что такие на него и не взглянут. А разве ж это правильно, чтобы баба выше мужика была? Он снисходительно вставлял редкие фразы в разговор, скупно улыбался маленьким узким ртом, слушая анекдоты, которыми сыпал Егор. А в основном тайком наблюдал за Галей. Ну чего ж, девушка она неплохая, умишка, видать, небольшого, но зато не нахальная, не разбитная. Вон даже смеётся тихонечко, прикрывая ладонью рот. Серёжки в ушах копеечные, колечек нет. Такой брошку пластиковую подаришь, обспасибкается. Конечно, он с бухты-барахты в ЗАГС не побежит – не на того напали, хватит, обжётся уж. Опять же, сын – дубина стоеросовая, мамкин подголосок, ему только четырнадцать стукнуло, это ж ещё четыре года алименты платить. Вот досада! Что же это за законы такие – пацан к отцу без уважения, а деньги дай. И так жена Верка всю анкету разводом испортила, ещё заработку урон. Ну ничего, попомнят. Иван Никифорович нахмурился, сердито раздавил окурок в пепельнице. Галя испуганно засуетилась.

– Иван Никифорович, а вот картошечка горяченькая, вы и мяско под майонезом не попробовали ещё.

Он тотчас благосклонно заулыбался.

– Ну положи, положи.

И глядя, с каким усердным подобострастием эта широколицая молодая женщина его обхаживает, он вновь улыбнулся, но не Галине, а своим мыслям. А что, женится он, вот Верке-то плюха будет. Она ж ему ровесница, а Гале тридцати нет. И, обзаведясь женой, да ещё с ребёнком, получит он долгожданную квартиру. Каково? Жильё отдельное, жена молодая. А Верка, дура старая, так и будет в коммуналке сидеть. Вперёд наука – нечего было норов показывать. И стало Ивану Никифоровичу на душе так отрадно и хорошо, что он перестал – пусть на и некоторое время – строить из себя начальника и лихо опрокинул протянутый Егором стакан водки. А после громко захохотал очередной шутке, что захмелевший хозяин дома повторил дважды, позабыв начало анекдота.

Наталья приехала через несколько дней. Еле заставила себя не явиться в гости раньше. И что только не делала: и мебель переставляла, и стирку устраивала, хотя грязных вещей набралось кофточка да два полотенца. Всё пыталась выкинуть из головы мысли о Воронцовых. Но желание увидеть Люську превратилось в навязчивую идею.

Галя растерялась, торопливо натянула на лоб косынку, скрывающую бигуди. В комнате беспорядок, на столе отодвинутая в спешке грязная посуда и сложенное в несколько раз старенькое прожжённое одеяло.

– Ой, Наташенька, вы и не предупреждали, что придёте, я гостей не ждала. Вот белишко глажу, – пробормотала она, подхватывая с одеяла разложенную юбку.

– Да ладно, не суетись, хозяйство оно, конечно, времени требует, – скептически хмыкнула Наталья, обведя взглядом комнату. – Да я, собственно, не в гости, Люсе вот гостинцев принесла.

– А Люсенька в садике ещё. За ней только часа через два идти.

– Ну и хорошо. Я как раз у тебя спросить хотела кое-что, а при ребёнке неловко.

Галя на секунду нахмурилась, но лицо тут же приняло своё обычное выражение жалостливой просительницы.

– Чайку, может, хотите, Наташенька?

– Не откажусь. Если кофе угостишь, ещё лучше.

– Откуда ж у меня? – Галина схватила чайник, шмыгнула за дверь.

Гостья была неприятна до обидного. Нарочно, что ли, на голову свалилась, чтобы даже внешностью своей расстраивать? Надо же было в одном человеке собрать всё то, чего у другого и нету? Конечно, каждая чёрточка даёт право нахальничать и смотреть свысока. И подведённые тёмно-серые крупные глаза с щедро покрашенными ресницами. И пухлые губы, что дают возможность кривиться в усмешке по-красивенькому. А тут улыбнёшься – и рта словно нет, уж какие там ухмылочки строить? И всё-то у Натальи слишком да чересчур. Несправедливо, нехорошо так-то. Надо бы поровну. Допустим, дали какой женщине статную фигуру, грудь торчком и аккуратные бедра, туго обтянутые дорогой юбкой. Высоко собранные в валик, блестящие от лака светло-русые волосы. И гладкие кисти рук, украшенные колечками и тонким браслетиком на запястье. Так пусть другой бы женщине достались денежный муж и богатый брат. Отдельная квартира и денежек на книжке нечитано. Вот это было бы по справедливости, а то одним – с избытком, а другим – кукиш.

В кухне Клавдия переругивалась со старухой Крутиковой. Ругались всегда, даже зла уже не было, а так, словно для порядка, чтобы форму не терять.

– Клав Семёновна, опять эта пришла, – обиженным шёпотом бросила Галя. Уж очень расстроилась своим мыслям о несправедливости.

– Да ну? А я думала, не появится больше. Чего ей надо-то?

– Гостинцев привезла ребёнку. Придётся чаем поить, не вытуришь теперь. Всё ж подарочки дитю, а я ж мать, как отказаться? Уж такая наглая эта Наташа, кофей требует.

– Глядите, совсем совести нет! Она бы ещё бутерброд с икрой попросила! – всплеснула руками соседка. – Королева выискалась. Ладно, отсыплю маленько, у меня баночка есть, мой в заказе принёс. Может, кофе выпьет, да ещё денег даст.

– Ой, не знаю я! Пришла к ребёнку, так взяла бы да погулять сводила. Будто у меня дел нет – сидеть ласы точить.

– Ты, Галя, не будь душой-то, – Клавдия бросила взгляд на замершую от любопытства старушку и вытащила собеседницу за рукав халата в коридор. Там в полумраке заставленного коридора, притиснув Галину в угол и напирая на неё пышной грудью, торопливо зашептала:

– Не будь душой, говорю! Раз она к девчонке расположена, так свою выгоду поимей. Скажи, мол, на больничном сижу, дитя не на кого оставить. Помогите по-родственному. Пусть заберёт девку-то на выходной – и тебе облегчение. Мужики народ такой: долго ломаешься – враз другую найдёт.

Галя согласно кивала, морща мягкий лоб, словно прилежная ученица. А чего ж, Клавдия Семёновна человек опытный, значительный и, говоря откровенно, не так давно вдруг да проявившая участие и интерес к такой неприметной по всем статьям соседке. Чего скрывать, Галине это польстило. Значит, не такая уж она незначительная фигура, коли сама Клавдия, что верховодила в квартире, взялась её опекать.

Наталя сидела на краешке стула, никак не могла избавиться от ощущения, что всё в этой унылой комнате грязное и липкое. Брезгливо оглядела чашку, в которую хозяйка налила кофе из крошечного кофейника, словно заварку, и щедро долила доверху кипятком. Такой бурды она не пила со времён детства. Хотя тогда она вообще кофе не пробовала. Бурдой была залитая кипятком по нескольку дней заварка. Наташа вздохнула, поправила уложенные в высокую причёску волосы.

– Галя, а... что у вас с Андрюшей... как у вас вышло?

– Ну-у-у, что уж скрывать, Наташенька, – протяжно загнусила Галина. – По глупости, по молодости, как у всех бывает, знаете?

– Не знаю, – бросила Наталя. – Оттого и спрашиваю.

– Подружка меня с толку сбила, – пробормотала собеседница, опутив глаза и водя пальцем по трещине на клеёнке. – Посёлок маленький, женихов нет. А мне уж двадцать третий годок пошёл, соседи насмеваются, мол, перестарок. Родители старые, хворые, говорят, хоть бы замуж вышла скорей, зять бы сараюшку поправил. Ну и Нинка подбила меня: пойдём да пойдём в гости.

Дальнейшее повествование было таким стандартным, словно плохо написанная книжка или дежурная статья в «Работнице». Аж скулы свело, как от неспелого яблока-зелипухи. Попался Андрей на банальном застолье, видно, ошалев от своей мнимой зрелости да от количества дешёвого портвейна. Чего с девятнадцатилетнего курсантика взять? Но эта курица хороша! Лишь бы под кого, чтобы только замуж выйти. Добро была бы девчонка несмышлёная, а то двадцать два года и такая бестолочь! Наталя слушала хмуро, губы поджала, сигарету закурила в комнате, даже разрешения не спросив. Галя и не возмутилась вовсе, только форточку приоткрыла и вновь залепетала протяжным своим голосом, заискивающе глядя на гостью. Наташа чувствовала, что Воронцова откровенно её побаивается, лебезит. Ну и пусть! Она всегда придерживалась принципа: «бояться – значит уважают». Хотя от этой снулой рыбы ей любовь и уважение без надобности. Если бы не Люська, сроду такое завидное знакомство не продолжила. Вот размазня! Ума не хватило прижать парня как следует, ни пригрозить пись-

мом в училище, ни в суд подать. Дура! По всему выходило, что ушлая её подруга преспокойно замуж вышла и не по залёту, а по-людски, а эта так и осталась при пустом интересе. Андрюшка тоже хорош! Это рядом старшей сестры не было, сказать стыдно, но узнай она про гулянку, не постеснялась бы ремня ему дать хорошего, начисто бы про девок забыл. Наталья вздрогнула, словно очнулась. Что она, с ума сошла, что ли? Мысли какие-то идиотские. Да пусть бы братишка был бабником или пьяницей последним, лишь бы живой. И она вновь мысленно ополчилась на Галя. И не Андрюша виноват во всём, он пацан был совсем. Ишь удумала, напоила дурачка, уложила в койку – и на тебе свидетельство о браке. Не такая уж она и дура, а совсем напротив – проныра корыстная. Но, поостыв, Наташа и сама понимала, что проныра из Галины никакая. И злиться на неё равно как на плюшевого медведя. Сидит, глаза пустые, нажми на живот – и услышишь монотонное «бэ-э-э». Ну как бы там ни было, в проигрыше оказалась именно эта поселковая посягательница, а не брат. По рассказу выходило, что Андрей повстречался с ней раза два, и встречи эти были такими же вялыми и скучными, как сама Галя. Она проговорила, что парень инициативы не проявлял, замуж не звал, в любви не клялся. Пожалуй, ей даже повезло, что деньги переводил, случайно узнав – и то не от самой новоиспечённой мамы – о том, что народилась Люська. И Наталья невольно выпрямилась и слегка улыбнулась уголками губ. Значит, Андрюша вырос порядочным человеком, вернее, она его хорошо воспитала. А подтверждение собственной правоты её всегда радовало совершенно искренне и делало более добродушной и покладистой.

– Ладно, чего уж, дело прошлое, – поглядев на золотые часики, спокойно произнесла она. – Пойти, что ль, девочку пораньше забрать? Я бы с ней погуляла часок, пока ты по хозяйству хлопочешь.

Последнюю фразу Наталья добавила язвительным тоном с усмешкой. Но Галя на это и внимания не обратила, напряглась как кошка перед прыжком и без всякого вступления заканючила, стараясь говорить как можно жалостнее. От этого говор становился ещё более монотонным и гнусавым, как причитания нищих в фильмах про старую жизнь.

– Ой, Наташенька, спасибочки за помощь, уж я и делать-то что не знаю. Приболела вчерась, еле смену отработала, простыла, верно, на сквозняке или заразил кто из больных. Голова кругом, дышать тяжело, отлежаться бы пару деньков, больничный, должно, возьму. Вот горе, как бы Люсенька не заболела. Ох, намаешься с одного больничного на другой, и так зарплата копеечная, а то и вовсе без денежек останусь...

Галя зашмыгала носом, озираясь в поисках платка. На мгновение Наталье показалось, что она сейчас, как и её дочка, задерёт полу халата и вытрет нос. Игра была насквозь фальшивая и сделанная наспех человеком неумелым и лишённым актёрского дара напрочь, но Наташа игру эту подхватила. Эх повезло! Конечно, она с превеликим удовольствием забрала бы Люсю к себе, чем сидеть с ней в этой затхлой комнате, но никак не решалась обратиться по этому поводу к Гале. Ведь это означало бы просить. А просить она не любила, тем более у тех, кого не считала себе ровней. И обе молодые женщины старательно сохраняли вид, что верят происходящему. Словно девчонки с упоением играющие в куклы: вот эта коробка как-будто бы кровать, а полоска фантика – чур колечко.

Сговорились, что Наталья заберёт девочку на выходные. А что делать? Галя так расхворалась, что, пожалуй, и до садика не дойдёт. И самой Наташе удобнее: взяла Люську и поехала. Что время терять, ходить туда-сюда? Театрально охавшая и картинно согнувшаяся от немоги Галина вмиг распрямилась и стремглав бросилась в коридор к телефону. И, начисто забыв о своей тяжкой болезни, бодрым голосом сообщила нянечке, что придёт за ребёнком родственница, по причине внезапно напавшей на неё, Воронцову Галину, хвори. Уже стоя в дверях, провожая Наталью, она вдруг опять собрала на лбу складочки и с жалобным просящим выражением лица протянула:

– Наташенька, вы уж простите за беспокойство, но мне бы лекарства прикупить, от температуры чего и там микстуру, может, какую. Верите, денежек в обрез.

Наталья аж задохнулась. Вот зараза наглая, ей дай палец – она по локоть отхватит! Несколько дней назад двадцатку схрумкала, не подавилась. Но ей до смерти надоел Галин противный голос, и сама она надоела, и комната её тоскливая, и вся эта тёмная коммуналка, пропахшая жареной рыбой и вываренным бельём. Губы сжала и, нахмуясь, вытащила кошелек и сунула в протянутую без всякого смущения ладонь пять рублей.

Если бы самой Наташе кто-то дал денег с таким выражением лица, она бы сроду не приняла, даже если бы с голоду помирала. А Галина взяла спокойно и, словно бы привычно сохраняя выражение униженной благодарности. Выйдя на улицу, Наталья сердито хлопнула дверью подъезда. Побирושка чёртова! Ей бы по электричкам ходить, заматавшись в старый вязанный платок. Надорвется деньги считать. И тут же мелькнула мысль, что приди такая идея в Воронцовскую пустую голову, она ещё и Люську бы с собой прихватила – больше подадут. И перед Натальей на мгновение возникла девочка, одетая плохо и непременно грязно, что пробирается вслед за непутёвой матерью по холодному вагону и жалобно просит копеечку:

– Подайте, добрые люди, кто сколько может на хлебушек, сами мы не местные, погорельцы...

Тьфу, придёт же на ум такое! Она сердито вскинула голову и свернула в переулок, где должен был, по рассказам Гали, располагаться сад номер четырнадцать.

Воспитательница кивнула равнодушно, ничего уточнять не стала, открыла дверь в группу и крикнула:

– Воронцова, за тобой пришли.

Люся, увидав Наталью, взвизгнула, с разбегу бросилась, обхватив её крепко-накрепко, насколько рук хватило. Наташа опешила, но стало приятно до невозможности. Бросила на воспитательницу торжествующий взгляд. Мол, видали, я не какая-нибудь седьмая вода на киселе – тётя родная.

– Стой, тётя Таша, не уходи, я сейчас, не уходи только! – девочка громко шмыгнула носом и убежала обратно в группу.

Ну вот, опять платка нет у ребёнка! Сейчас как задерёт подол нос вытирать – со стыда сгоришь. Наталья расстегнула пальто – жарко тут у них. Краем глаза заметила, как исподтишка её разглядывает женщина, видно, чья-то мама. К ней вышел мальчик, румяный, крепкий, как грибок. Деловито начал натягивать сапоги, пытая от усердия. А незнакомка так и пожирала глазами, словно ощупывала каждую вещь, начиная от пальто с пушистым воротником и песцовой шапки, до мохерового шарфа и высоких сапог, туго облегающих ноги.

Появилась Люся, волоча за руку миниатюрную девочку с огромными серыми глазищами.

– Во, глянь, глянь, кто за мной пришёл! Видала? Это моя тётя Таша. Смотри, какие сапожки! Вся красивая и нарядница! Что, съела?

– Моя мама тоже нарядная, – пролепетала большеглазка.

– А моя Таша красивше! – уверенно крикнула Люся.

Глаза у девочки стали ещё огромнее и увлажнились от подступающих слезинок.

– Зато моя мама волшебница, – ещё тише пролепетала она.

– Ну и что? Твоя ма-а-а-хонькая, а моя Таша толстая, значит красивше! – топнула ногой Люся.

– Да ты что ерунду несёшь, Людмила? – очнувшись, прикрикнула Наталья. – Мелешь невесть что, как бабка худая. Где твой шкаф-то, одевайся давай, нам ехать далеко.

– Слыхала? – не унималась Люська. – Ты сейчас домой пойдёшь, а мы поедем далеко-о-о.

Большеглазка не ответила, пожала плечами и убежала в группу. Наташа присела на низенькую скамью, наклонила голову, помогая девочке одеваться, стараясь не встречаться взглядом с чужой мамашей. Отчего-то было неудобно. Чувствовала, что та продолжает её раз-

глядывать. В придачу Наталья испытала приступ откровенного стыда. Вещи племянницы были ужасны! И заношенные рейтузы с вытянутыми коленками и оторванной штрипкой, и вязаная шапка грязно-фиолетового цвета, что была велика и сползала на нос. И даже варежки с дырой на большом пальце. Ой не несдобровать Галине, попадись она под руку. Вот неряха, где ж такую резинку нашла? Давно растянутая в узлах вся! Тебе бы такую в портки вставить и заставить ходить, корова рукожопая!

Мысль, что Андриюшина дочка выглядит хуже всех и похожа на сироту, вывела Наталью из себя настолько, что – спасибо, хоть не в полный голос – пару раз чертыхнулась вслух и, не сдержавшись, брякнула «твою мать», по счастью, опустив первую часть фразы. Люся, упиваясь своим триумфом, ничего не замечала, болтала без умолку, кривлялась, строила рожицы, болтала ногами, стуча по скамейке, мешая Наталье натягивать на неё валенки.

Из-под модной песцовой шапки на лоб стекал пот, лицо покраснелось. И на миг Наталье захотелось наконец обрядить девочку в её унылое тряпье и отвести домой к матери. Никакого терпения не хватит. Разве ж брат был в детстве таким неслухом вертлявым? Всё от воспитания, конечно. Попробовал бы так себя вести, живо по заднице бы получил сестриным тапком. И Наталья сердито дёрнула племянницу за рукав. Но Люська словно и не заметила резкости, обхватила её за шею и прямо в ухо крикнула:

– Раскрасавица моя, Таша-а-а-а!

Наталья не удержалась, прыснула со смеху, вновь опустив голову. Ну артистка, одно слово артистка, как на неё сердиться?

Наконец вышли на улицу и там столкнулись нос к носу с мамашей, что её в раздевалке разглядывала. Не иначе поджидала.

– Женщина, – деловито окликнула она Наталью. – Я так поняла, вы Воронцовой родственницей приходитесь?

– Ну? – нахмурясь, бросила Наташа.

– Вы уж передайте мамочке, Галине в смысле, чего ж это она деньги на подарок которую неделю сдать не может. Что у меня, своих дел нету, ходить за ней упрашивать!

– Какой подарок?

– Какой? У воспитателя день рождения скоро, все уж сдали давно, одна Воронцова осталась.

Наталье стало неприятно, словно это её уличили в бестолковости, жадности, или беспроектной нужде.

– Так передадите?

– Сколько с неё?

– Как со всех – рубль, – пожала плечами женщина.

– Вот, возьмите, – отрывисто бросила Наталья, протягивая мамаше деньги.

– Ну и хорошо, – улыбнулась женщина. – А то пока передадите, пока принесёт, да и опять забудет.

Наташа сухо кивнула и пошла прочь. Шагала быстро, Люська еле поспевала, повиснув за руку и поскальзываясь на плохо расчищенной дорожке.

– Таша! Ты зачем Вовкиной мамке денежку дала? – задирая голову и стягивая шапку назад, воскликнула девочка.

– Тебе-то что? Дала и дала, – резко ответила Наташа. – Хорошо разве, если все уж собрали?

– Ну и пусть! Мамка им никогда денежек не отдаёт, не напасёшься на них. Говорит, самим копеечка пригодится.

– А ты повторяй больше! – раздражённо ответила Наталья. – Я что – нищенка? Хотела добавить «как твоя мамка», но вовремя сдержалась. Спихватилась что разговор ведёт не с Галиной, а с маленьким ребёнком, который всего лишь повторяет то, что слышит ежедневно

от своей никчемушной мамы. – Ты, Людмила, рассуди сама: хотят люди поздравить человека, подарок купить. Ну в благодарность вроде, что об их детях заботится. Вот скажи сама, воспитательница твоя добрая?

– Ага, – уверенно кивнула Люся, и шапка вновь съехала на нос.

– Вот видишь. Чего ж, для хорошего человека не жалко, поняла?

– Поняла, – покорно согласилась девочка. – Конечно, подарок не жалко, а денежку всё равно жалко. Копеечка завсегда пригодится в хозяйстве.

Наталя раздражённо поджала губы. Ну Галка, попрошайка, нищенка! Чему ребёнка учит? Стыдоба одна! По счастью, Люся быстро отвлеклась, вертела по сторонам головой, то и дело поправляя шапку.

– А мы на поезде поедим?

– На трамвае, – сухо бросила Наталя. Она вновь засомневалась в своём решении забрать племянницу на выходные. Да уж, слишком опрометчиво согласилась. Ясно же, что ребёнок наверняка не единожды вызовет раздражение, а срываться на ней нечестно. Вроде как взрослая тётка сводит счёты с малявкой. И за что? Только оттого, что мамаша у неё дура набитая?

Трамвай был полным уже на конечной. Однако отвоёвывать место не пришлось. Две женщины турнули парня, сидевшего возле окна.

– Уступите место, молодой человек! Не видите, что ли, ребёнок маленький!

Парень покраснел, торопливо закивал, протиснулся к самому концу вагона. Наталя усадила девочку на руки. И стянула с неё распроклятую шапку. Люся уставилась в окно и громко задышала на замёрзшее стекло, царапая его пальцем.

– Гляди, я окошку сделала, хочешь на улицу смотреть?

– Смотри сама, я потом, – смягчилась Наташа, вновь обрадованная Люськиной заботе. Настроение постепенно улучшилось, поездка получилась вовсе не хлопотной, а даже приятной. Приятно было, что взрослые улыбались на Люськин лепет. Даже тяжесть от её тела была приятной. Старушка, сидевшая рядом, достала из авоськи яблоко, протянула Наталье.

– Вот, возьмите, хорошие яблочки, вкусные, не мытые только, надо хоть платочком обтереть.

Племянница радостно всплеснула руками.

– Спасибо, бабусенька! – прозвучало громко и весело. Многие пассажиры рассмеялись.

– Хорошая у вас дочка.

– Маленькая, а вежливая.

– И не говорите, иному ребёнку на десятку подаришь, а он на копейку благодарности!

– Ишь, беленькая какая, прямо снегурочка. А всё ж таки на мать похожа.

– Похожа, похожа. Любишь маму-то?

Наталя на секунду замерла, словно сейчас всё её доброе расположение духа мигом рухнет от одного неосторожного слова.

– Я свою Ташеньку люблю-у-у-у! – воскликнула Люся, обхватив её за шею и громко чмокнув в щёку. Ой, мамочки, даже дыхание перехватило! Вокруг опять засмеялись, ласково, по-доброму. На слово «Таша» никто и внимания не обратил. Слышались лишь одобрительные фразы, вроде: «вот как мать-то любит», «и правильно, с детства надо воспитывать уважение».

К остановке «улица Мещерякова» говорливая Люся задремала, уткнувшись носом в мягкий Наташин шарф. Наверное, для неё непривычно было ехать так долго или мерное покачивание трамвая укачало. Наташа заботливо придерживала ребёнка, и было ей непривычно, но хорошо-хорошо. Так бы ехать себе, не думать ни о чём и держать на руках Люську, словно нет никакой Гали, а есть просто Андрюшина дочка.

По пути домой зашли в булочную, что занимала почти весь цокольный этаж Наталиного дома. Купили рогаляков и половинку бородинского.

– Можно укусить? – с вождением глядя на торчащий из кулька румяный край рожка, прошептала Люся.

– Да мы уж пришли, Людмила. Вот сейчас на лифте поднимемся – и дома. А там хоть всё съешь. Руки-то у тебя грязные, разве хорошо ими брать?

Племянница покорно кивнула, но по её вздоху Наташа поняла, что охватили Люську сомнения. Может, Галя выдаёт ребёнку куски по счёту?

– Смотри, руками-то хваталась везде, – торопливо забормотала она. – А вымоешь, так и ешь на здоровье. Я рогалик маслом намажу или вареньем. Ты с чем будешь?

– С маслом! – радостно закивала Люся. – И с вареньем тоже, – добавила она, удостоверившись, что тётя не соврала и вожаденный рогалик ей всё-таки точно достанется.

– Ой, Таша! Это ж что ж у тебя в ванной сикать ходят?! – воскликнула племянница, оглядывая санузел.

– С чего это? – оторопела Наталья.

– Так толчок рядышком, – пояснила Люся. – Толчки в одной комнатке бывают, а мыться в другой. А у тебя неправильно.

– Уж как есть. Давай руки мыть.

Но девочка глазела по сторонам, то и дело отвлекаясь и пытаясь всё потрогать мыльными пальцами.

– Ой богатства, богатства! А бутылочка какая красивенькая! Ай, коробочка золотенькая, покажи, чего там?

– Нашла золото, – бросила Наталья. – Крем это для лица. Лицо мазать.

– Крэмом лицо мазать?! Его же в торт ложут!

– Вот дурочка! – вырвалось у Натальи. – Это другой совсем, его есть нельзя. И надо говорить крем, а не крэм, и не ложат, а кладут.

Люся застыла в нерешительности – слишком много информации – и она никак не хотела в её бедной головёнке укладываться. Что же это за диковинный крэм, который вовсе ещё и крем, и есть его нельзя? И какая разница, ложат или кладут, раз всё равно этот крем оказался в банке?

Кухня произвела на неё не меньшее впечатление. По-стариковски поджав губы, она, старательно копируя взрослые интонации, протянула:

– Ой, ма-а-а-хонькая какая! Это ж тута зад об зад натолкаешься!

– Да что ты вечно причитаешь как бабка? С кем мне здесь толкаться-то?

– Эта твоя плита? – не ответив, задала новый вопрос племянница.

– Ясно, моя, а то чья же?

– А соседи где варят?

– У себя в квартире, – хмыкнула Наталья. – Я одна живу. Всё здесь моё.

– Всё-при-всё? Ой, какая же ты богаченька, Таша! Как снежная королева!

– Ой, Людмила, здорова ты языком молоть, аж в ушах звенит. Садись лучше за стол. Тебе чай в блюдечко, а то горячий?

– Ага.

Наташа присела рядом, щедро намазывая рогалик маслом.

– Толсто ложишь, – неодобрительно заметила племянница.

– Масло не любишь?

– Не-а, масло люблю, только ты вон сколь наложила, так и кончится в один раз.

– Кончится, ещё куплю, – нахмурилась Наталья. Ну Галька, кликуша нищевородская! А ещё причитала: «мне, мол, главное, чтобы у дитя покушать было, я ж мать». Да не мать ты, а... Она задумалась. Даже пришедшие на ум матерные выражения совершенно не отражали Галиной сути. Все характерные эти словечки подразумевали девицу хоть и не порядочную,

но энергичную и живую и даже вполне себе активную. А для Люсиной мамы и ругательства подходящего не было.

– Людмила, ты что торопишься, ешь спокойно, никто не отнимет. И ногами не болтай, некрасиво это, нехорошо.

– Я жнаю, – с полным ртом ответила девочка. – Тётя Клава сказала, кто ногами стучит за столом, у того мамка умрёт. Я стучала, и в саду Нинка стучала и Витька, и Серёжка, а мамки не умерли, это обманушка.

– Вот дураки! – не сдержалась Наталья. – Дураки и есть! Разве можно так? Мама это ж...

– Дураков в больнице лечут, умных палочкой калечат! – обиженно выкрикнула Люська.

Наталья осеклась, замолчала. Да что же это? Спорит с сопливкой – хороша же из неё воспитательница. Господи, ну почему с этой девчонкой так сложно? Андрюша таким шепотом не был. Стоило прикрикнуть – и как шёлковый. Разве такая у него должна быть дочка? Ой, поторопились вы, Наталья Валентиновна, с родственными чувствами, поторопились. Если в рыбьих Галиных глазах ясно читалась опаска, то девчонка, по всему, тётю совершенно не боится. А какое воспитание без страха? И она вновь пожалела, что поддалась на авантюру и привезла племянницу к себе. И шлепка не дашь, и по затылку не хлопнешь. Чего ж тащила ребёнка через полгорода – по заднице нахлобучить? Глупость какая!

– Ну, наелась, Люд? – как можно спокойней спросила она.

– По горлышко! – ответила довольная племянница, зачерпнув напоследок варенье из вазочки пальцем. Наташа криво улыбнулась, из всех сил стараясь держать себя в руках.

– Вот и ладно. Давай-ка телевизор посмотри, а я постель приготовлю.

Программа «Спокойной ночи малыши» по счастью завладела Люсиным вниманием накрепко. Иначе началось бы блуждание по комнате с причитанием в Галиной манере вроде: «диванчик-то красивенький, коврик мягонький, поди, денежек немерено стоит». Ошалев от телевизора, который можно смотреть запросто, а не у соседей, Люся превратилась в каменное изваяние. Даже дышала тихо-тихо, уставившись в экран круглыми от восхищения глазами. Наталья облегчённо вздохнула и отправилась в кухню. Курить хотелось сил нет, но не при девочке же. Приоткрыла дверь на балкон, чтобы дым не собирался, и, только присев на табурет, поняла, что ужасно устала. Ну прямо до невозможности, спина колесом и руки вялые, и всё тело вялое. Со стороны ни дать ни взять ватная кукла. С чего это? Вроде и не делала ничего такого. По магазинам не бегала и Люсю на руках не тащила, в трамвае сидела. Странно, даже не похоже на неё, боевую и энергичную. Это Галина вечно ищет, куда бы зад пристроить да расплыться на стуле киселём А ну её, квашню попрошайку, ещё вспоминать – не велика фигура!

Внезапно из комнаты послышался громкий рёв. Наталью аж потом прошибло. Метнулась из кухни, чуть дверь не высадила. Люся сидела с ногами на диване и горестно рыдала, уткнувшись носом в согнутые коленки.

– Ты чего, Люсь, Людок, чего случилось то? – испугано спросила Наташа, прижимая девочку к себе. – Болит чего или ударилась?

Племянница обхватила её за шею, уткнулась в грудь и забормотала что-то непонятное, заливаясь слезами. Наталья машинально гладила по светлой головёнке, по спине и произвольно покачивалась, словно пыталась убаюкать.

– Людок, так чего приключилось, а? Давай-ка слёзы вытрем, ой нос-то грязный опять. И куда ж платок задевался, вот нашла, где нос сопливый, вот, сначала глазки...

Люся послушно сморкнулась и всхлипнула:

– Собачонок-то размотался на ниточки! – выдавила девочка, и слёзы вновь хлынули ручьём.

– Какой собачонок? – оторопела Наталья.

– В кино-о-о! Девочка его из рукавички сделала, он игрался с ней, игрался... а потом побёг... там ещё другие собаки были, плохие! Собачонок за ветку зацепился... и... и... весь в ниточки размотался.

Наташа бросила взгляд на экран.

– Ай глупенькая, до конца не досмотрела! Из ниток опять связали рукавичку, а девочке мама другого щеночка принесла, настоящего. А тот, вязаный, он понарошку был, понимаешь?

– Из ниток лучше-е-е, мне того собачонка жалко, – всхлипнула Люся.

Наташа отчаянно пыталась найти аргументы, но ничего веского на ум не приходило. Объяснения, что живой щенок лучше вязаного, племянница не принимала наотрез. Она жалела того, который «размотался на ниточки». И замена в её понимании ничуть не уменьшала трагедию.

– А у меня чего есть! – бодро воскликнула Наталья. Пытаясь наспех придумать что-то завлекательное, которое непременно отвлечёт страдалицу.

– Чего? – громко втянув носом, спросила Люся.

– Пойдём покажу, – тянула время Наташа, беспомощно шаря по комнате глазами. И вдруг с облегчением заметила корзинку, притиснутую за ненадобностью между диваном и стеной. Туда она убрала мелочь, назначение которой не придумала. С победной улыбкой она выудила из корзины детский шампунь «Кася», подаренный одной из подруг ещё на восьмое марта. Он так и остался нетронутым. К чему им в семье был шампунь с забавной пластмассовой куколкой на крышке, если Ариншины были бездетными? И поставить шампунь на полку в ванной в квартире с двумя взрослыми мужиками Наташа так не решилась. Зато теперь сгодится.

Люсины слёзы вмиг высохли.

– Ой какая куколка! Таша, ты глянь, у неё бантик повязан и глазки закрыты, она спит, наверное! Ах ты, малюнька, замёрзла, голая, только жопочка одеялком прикрыта!

– Нравится? – улыбнулась Наталья, старательно делая вид, что слово «жопочка» не заметила. – Ну вот, сейчас купаться пойдёшь и возьмёшь её с собой. Как её звать будут?

Люся зажмурила глаза, сморщила нос, задумалась:

– Катюня пусть зовут.

Сидеть в ванной, заполненной пеной от нового шампуня, племяннице понравилось, не вытащить было. Она с упоением громоздила охапки пены на голове у куколки, мастерила из пены одеяльце и сдувала пенные брызги – вроде как на Катюню снег повалил. Наташа сидела рядом с ванной на табуретке и совершенно расслабилась от идиллической картины. Это больше походило на представление о милом послушном ребёнке, каким, по её твёрдому мнению, и должна быть шестилетняя девочка, да в придачу Андрюшина дочка. И всё так и было, пока не начала мыть Люсе волосы. Благостная иллюзия тотчас сменилась визгом, слезами, причитанием и отчаянными попытками нырнуть с головой в воду, выскальзывая из мокрых тётиных рук.

– А-а-а-ай, в глаз попала мылой! Не хочу волоса мыть, а-а-а-а, щиплет, щиплет!

– Не кричи, а то ещё в рот шампунь нальётся, да ты вертлявая, как обезьянка всё равно, Людмила?! Да не крутись, а то не смыла пену на макушке!

Наталья вновь позабыла все свои попытки проявить мудрость и понимание. В тот момент для неё, как для хорошей хозяйки, главное было хорошо работу выполнить, отмыть начисто. Словно она мыла не ребёнка, а чашку или блюдо. Да и совсем давно, когда купала младшего братишку, никаких проблем не было. Коротко стриженные мальчишечьи вихры прекрасно отмывались над тазом. Не было у них тогда красивой ванной комнаты с зеркалом и стеклянной полкой. Брат стоял ногами в тазу с мыльной водой, вцепившись руками в старый деревянный табурет, склонившись над маленьким тазиком с отбитым краем. Может, ему, как и Люське, попадало в глаза мыло и щипалось до слёз, но Андрей предпочитал зажмуриться посильнее или

привставать на цыпочки, когда становилось совсем уж неважно. Уж лучше так, чем получить от рассерженной сестры звонкого шлепка мокрой рукой да по мокрой попе. А Люся шлепков не ждала и, следовательно, страха не испытывала. Продолжала завывать на всю квартиру ровно до того момента, как Наталья завернула её в огромное полотенце. И, словно не она только что так отчаянно голосила, с довольной улыбкой обхватила тётю за шею:

– И Катюнечку мою оботри, Таша. Она со мной спать ляжет.

И к своему искреннему удивлению, Наталья покорно вытерла крышку с куколкой насухо и даже не стала доказывать, что флаконы в кровать не берут. Достала кухонное чистое полотенце и обернула игрушку, а то, по заверениям Люськи, Катюнечка замёрзнет. Сидящая в огромной кровати раздумывавшаяся после купания племянница показалась ей такой хорошенькой – прям затискала бы, как котёнка. И сразу позабылись глупые словечки и упрямство. Ну такая милашка взирала на Наталью, вот сейчас на обёртку шоколада печатай. Мордашка розовая, белые волосы закрутились от влаги кольцами, глаза блестят. Вот Галя дура! Такую куколку родила, а одевает как нищенку.

Легла Наталья поздно. Сначала стирала все Людмилкины вещи, отводя душу в самой что ни на есть забористой ругани, поминая Галину. Сушить повесила в ванной прямо на извилистые трубы полотенцесушителя, иначе до утра не просохнет. Заглядывала в спальню проверить девочку. Вроде всё в порядке. Люся сладко спала, раскинувшись на широкой кровати. Ночник, оставленный на всякий случай, мягко освещал аккуратный носик и красиво отбрасывал тень от ресниц на щёки. Хорошенькая такая – умилилась Наташа. Себе она постелила на диване в гостиной, но под утро услышала быстрый топот и громкий шёпот племянницы.

– Таша, к тебе хочу, – забралась под плед, не дожидаясь ответа, и прижалась к тёте.

– В туалет не надо тебе? – так же шёпотом спросила Наталья.

– Не-а, я уже сикала, когда ты спала. И за шарик тянула, чтобы вода лилась, – сонно пробормотала девочка.

Ну и хорошо. Сказать откровенно, Наташа побаивалась, что племянница не отважится в темноте да в незнакомой квартире на поход в туалет. И ждёт кровать наводнение, а клеёнку она положить не догадалась. Да чего уж, врасплох всё вышло. Лежать было тесно. Наталья была женщиной крупной, рослой и теперь прижималась изо всех сил к спинке дивана, обхватив Люсю одной рукой, чтобы не свалилась на пол. От волос племянницы пахло шампунем и чем-то тонким, не имеющим названия – ребячёнком маленьким, что ли? Вспомнилось, как засыпала в обнимку с Андрюшей. Сколько ему тогда было? Меньше годика, наверное, у него очередной зуб резался, плакал всё время. И она, восьмилетняя девочка, согнувшись в три погибели, таскала его на руках. Укачивала и ревела с братишкой за компанию. От страха, что болеет – раз голова горячая – и теперь наверняка умрёт, потому что она не знает, что с ним делать. Кажется, именно в тот раз Наталья впервые испытала ненависть к собственным родителям, особенно к матери. Чётко врезалось в память, как побежала к ней и, размазывая слёзы, просила сделать что-нибудь для братишки. А мать с размаху ударила её по щеке. Застолью помешала. Они пили, пили всегда, сколько она их помнила. Теперь, оглядываясь назад, чего откровенно говоря, Наталья делать не любила, она с горечью поняла, что стойкую ненависть, которую почувствовала тогда, пронесла через всю жизнь. И, узнав о смерти родителей, даже на секундочку не расстроилась, не пожалела. Вычеркнула их из жизни, из своей и Андрюшиной. И каждая нерадивая мать вызывала в ней жгучее раздражение – аж пальцы подрагивали и немели губы. Стариканы говорят, что надо уметь прощать. Наталья прощать так и не научилась. Может, за эту самую злость Бог – если он и вправду существует – не дал ей детей. Да чего уж, и не наказание это было вовсе, то же ещё придумала! Проблема по-женски появилась, скорее всего, когда убежала с маленьким братом зимой посреди ночи. Мальчика догадалась в плохонькое одеяло завернуть, а сама осталась в резиновых сапогах на голые ноги. Значит, опять её жизнь испорчена по вине отца с матерью, стало быть, нет им прощения даже на том свете.

И с чего вдруг вспомнилось? Всегда старательно гнала от себя всё, что напоминало о детстве. Не иначе мирно сопящая под боком девочка, что каким-то случаем оказалась в Наташиной жизни, всколыхнула давно забытое, из головы и сердца решительно изгнанное. Она вздохнула и сильнее прижала к себе Люсю, прикрыла глаза. Спать совершенно расхотелось. Выбраться, что ли, аккуратно, да и кофе выпить? Правду говорят: маленькие дети спят крепко, хоть с места на место переноси. Подоткнула плед со всех сторон и ещё пуфик к дивану придвинула для верности, как бы Людмилка спросонья на пол не скатилась. Невысоко, конечно, и ковёр мягкий, но испугается, чего доброго.

Натаалья смотрела невидящим взглядом в окно, монотонно помешивая сахар в чашке. Ох, тоска, тоска. И зачем встала, лучше бы заставила себя спать хоть насильно. Опять в голову мысли всякие лезут. Теперь вспомнилось, как жили тайком у троюродного деда. Тайком оттого, что она боялась попасть с братишкой в разные детские дома. Все знали, что у Лавроновых каждый день пьянки, драки и вся шваль собирается. Завуч при всех сказала, что родителей лишат. Наташа тогда училась в пятом классе. Домой шла на ватных ногах и в ту ночь решилась на побег с маленьким Андрейкой. Он с испугу даже не заревел, когда разбудила. Кажется, большего страха, чем в ту ночь, она за всю жизнь не испытывала. Действовала как в бреду. Напялила на мальчика шапку и завернула в одеяло. Вот дурочка была! Да могла преспокойно одеться и идти не торопясь, мать с отцом и не заметили бы. Они имя бы своё не вспомнили, не то что про детей. Да уж, не будь дом деда Кости в десяти минутах быстрым ходом, она наверняка успела бы воспаление лёгких подхватить, да ещё Андрея заморозить. Ей главное было из дому уйти – забирать их в детский дом пришли бы именно туда. Вот так на несколько лет Натаалья стала за хозяйку для старого и для малого. И жили бедней-бедного на дедову пенсию. Галька эта, корова малахольная, и не знает, в какой нужде можно жить и человеком оставаться. На какие только ухищрения не шла маленькая Наташа, чтобы не вызывать у окружающих жалость! Шить и вязать училась у соседей, прорехи на одежде чинила, стоило только появиться крошечной дырочке. Сразу не спохватишься, вот тебе и дырища – только заплаткой прикрывать. Благо у деда сил хватало набойку вырезать из куска толстой резины или подмётку приладить. Подслеповатый старик любую поделку подносил близко к лицу и отчаянно матерился на каждый выскользнувший из рук гвоздок. Но сказать, что дедушка Костя ругался, было не справедливо. Да не ругался он, просто так разговаривал. И вслед за ним Натаалья охотно словечки эти и выражения подхватывала. А что ж делать, если вечно приходилось защищать то себя, то братишку? Больше заступиться некому. На соседей грех жаловаться – кто одежду давал, кто картошки, яблок, молока. Но Натаалья каждый раз испытывала жгучее чувство унижения. И тогда она и зареклась, что непременно устроит жизнь свою и брата так, чтобы не им подавали, а они могли бы одаривать. Теперь может с гордостью сказать, что ей это удалось, но она так и не научилась ни просить, ни прощать. Может, будь у неё в детстве другая, нормальная семья, она прониклась бы к Гале сочувствием хотя бы из женской солидарности и приняла бы её сторону. А будь жив Андрей, так засрамила бы за непорядочный поступок. Так бы, наверное, любая добрая и мягкая по натуре женщина поступила. Но Воронцова в глазах Натаальи в первую очередь была нерадивой матерью, а такие, по её категоричному мнению, не должны и на свет народиться. Ко всему, Андрей был для неё и братом и сыном одновременно. Она его вырастила, только она! И уверена, что заботилась о мальчике получше, чем иная мамаша. Вот ведь хватило ума создать иллюзию, что живут дети Лавроновых нормально. Школу посещают, под забором не спят. Да она и замуж выходила с расчётом – Андрею нормальную семью создать. Нельзя сказать, что Виктора не любила. Любила по-своему, ну не до обморока, конечно. Главное, что покладистый и рассудительный Витя в свои двадцать пять лет сумел-таки стать для братишки больше отцом, чем старшим товарищем. И уроки проверял, и ругал за курение, водил на футбол и в кино. И по настоянию Виктора Андрей посту-

пил в авиационно-техническое училище, которое когда-то сам окончил. И квартиру, что они получили, давали на троих. Но... ни муж, ни брат пожить в ней так и не успели.

Наталья потушила сигарету и тут же прикурила новую. Такая тоска навалилась. И почему нет лекарства, чтобы принять таблетку – и все прошлые неприятности из головы вон? Как она радовалась, что Андрюша с Виктором всегда вместе были. И в тот злосчастный день брат, как всегда, к концу работы пошёл за ним, чтобы вместе домой идти. И когда полыхнуло по чьему-то недомыслию и преступной глупости, он без раздумий кинулся в самое пекло, потому что там остался Витя.

Ну всё! Никаких сил не хватит. Ещё чуть-чуть – и останется завывать как раненой волчице, что детёнышей потеряла. Наташа торопливо метнулась в ванную, плеснула в лицо холодной водой. Подняла глаза к зеркалу. Ну вот, нормальная, здоровая, гладкая и ещё довольно молодая. Морщин ещё не нажила, взгляд ясный, даже маленько нагловатый, если нужно. Может, судьба и хотела бы её сломать – не выйдет, не на ту напали. За соплями и нытьём к Гале Воронцовой пожалуйста – может хоть сейчас адрес дать. А она, Наталья Валентиновна Ариншина, сама кому хочешь хребет-то поломаёт и в бараний рог согнёт. Ей жалельщики без надобности. Да, грубоватая, и схамить может, и за словом в карман не полезет. Уж какая есть. Не нравится – проходите мимо, никто не держит.

Но вновь завязла в воспоминаниях, как в трясине. Одну ногу вытащишь – другая проваливается. Даже обрадовалась, когда в кухне появилась лохматая спросонья Люся, путаясь в тётиной сорочке вместо ночнушки. День прошёл в делах и, к радости Наташи, сидеть и упиваться прошлыми обидами на несправедливость времени не осталось. Наскоро позавтракали и отправились в универмаг. Народу в нём было предостаточно, чего не скажешь про ассортимент. Колготки на детей были только серые или коричневые. Исключительно простые. Да ладно уж, хоть целые будут – и на том спасибо. Купили костюм, малиновый свитерок и рейтузы, клетчатый сарафан с двумя кармашками. На улице возле магазина обмирающей от восторга племяннице сторговались с бабусей на пуховую шапку и рукавички по сходной цене. Люська прижимала к себе свёртки грязно-серой бумаги, обвязанной бечёвками, и только счастливо ойкала. Обилие новых и, по мнению девочки, распрекрасных вещей избавило Наталью от выклянчивая игрушки. Люся в пылу примерок начисто о них позабыла. Торопилась домой – у зеркала покрасоваться.

Наташу её эмоциональность и смущала, и откровенно раздражала. Из всего этой девчонке надо цирк устроить. Радуетса так до поросычьего визга, взхлёб – не утихомиришь. Поначалу приятно стало, что благодарность Люськина искренняя – виснет на шее, звонко целует в щёку. И при этом скачет по комнате как мартышка. Разбушевалась, врезалась с разбегу в журнальный столик, споткнувшись о край ковра. Чуть не разнесла всю квартиру. А вчера из-за мультика рыдала аж до икоты. В кого уродилась такая – не понятно. Андрей вырос весёлым, смешливым, но баламутом никогда не был, а про Галину и говорить нечего – того и гляди уснёт стоя, как лошадь. Наталья старалась сдерживаться, очень старалась. Но не привыкла она к такому и привыкать не сильно-то и хотелось. Глядя на Люсю, она категорически отказывалась верить, что, возможно, девочка похожа на неё. Она в силу возраста и опыта научилась гасить свой темперамент, а Людмила для этого слишком мала.

Повезла племянницу домой, тайком даже вздохнув с облегчением, что можно будет отдохнуть от шумного соседства. Хорошего понемножку – больше двух дней она Люську не выдержит. Галя такая флегматичная, ей, видно, всё равно. А Наталья от всей души не хотела сорваться, наорать на ребёнка или отвесить подзатыльник. Надо же, за всё время ни разу не позвонила. Хоть бы узнала, как дочка. Сбагрила на почти случайного человека и довольна.

Чай пить в гостях отказалась, сославшись на выдуманные дела, и хотя видела, как обиженно опустились уголки губ у племянницы и в глазах предательски заблестели слезинки, ограничилась тем, что погладила её по голове, озадаченно поглядывая на часы. Но, выйдя на улицу, почувствовала угрызения совести. Чего ж это она как с котёнком – поигралась и бросила. Ключнула сухим поцелуем в макушку – и привет. Видно ж было, что дитё вот-вот заревёт. А что надо было делать? Вместе с ней поплакать? Она к мамаше вернулась, не к чужим людям. В конце концов, Наталья не обязана миндальничать. В гости свозила, вещей накупила, и вообще... Она всё делает ради Андрюшиной памяти и не более. Ну нет у неё материнского инстинкта, может, весь с раннего детства на братишку истратила. И Наташа спорила сама с собой аж до самого дома.

После её ухода в комнату тотчас явилась Клавдия Семёновна.

– Батюшки-светы, это ты чего ж добра навезла, Люся? Тётя прикупила? Давай, хвастай.

Люську уговаривать и не нужно было. Вертелась перед соседкой и матерью в обновках, надетых всех разом. Даже рукавички не забыла.

– Во, гляньте, гляньте, пуховенькие! Таша мне резинку пришила, чтобы не терялись. А шапочка какая, мя-а-а-агонькая, пушистая! И брошечка на ней! Видали, блестит – драгоценная!

Галя, поджав губы, разглядывала копеечную брошку, которой была подколото шапка, чтобы не сползала на нос, как предыдущая. Вот Наталья, мадам-госпожа, наверняка нарочно прикрепила не простую булавку, а непременно украшение, чтобы лишний раз своим богатством козырнуть. Я, мол, такая-растакая королевна, мне нипочём брошь ребёнку на шапку навесить. Ну ничего, вот сладится с Иваном Никифоровичем, тогда посмотрим, кто лучше заживёт: вдовая Наташа или замужняя Галина.

– Люсенька, – сладким голосом начала соседка. – А как там дома у тёти-то твоей? Большая квартира?

– Не-а, – бросила девочка. – Кухня махонькая. Но там всё Ташино. И соседей нет, и соседской плиты, и шкафа. Всё-всё её! Я в большой кровати спала, во-о-от такущей, – Люся развела руки в стороны и даже прошагала в бок, пытаясь отобразить размер поразившей её кровати.

Клавдия и Галина понимающе переглянулись. Ясное дело, небось ещё и покрывало импортное.

– А люстра «каскад»? – завистливо-обиженным тоном выдохнула Галя.

– Чего? – непонимающим взглядом уставилась девочка.

– Ну, Люсенька, лампочки такие на потолке, ну... ну... как у Баркашевых с третьего этажа, – подхватила соседка.

– Я на потолок не посмотрела, – пожала плечами девочка.

– Да уж наверняка «каскад», – вновь поджала губы Галя, уверенная, что у богачки Натальи просто не может висеть никакой другой люстры. В её глазах вожаденный «каскад» был неотъемлемым символом хорошей жизни.

– А ещё чего у в квартире-то есть? Что из тебя всё клещами тянуть? – сгорая от любопытства, повысила голос Клавдия.

– Ничего! – обиженно крикнула Люся и демонстративно отвернулась, прижав к груди руки в новых варежках.

– Ты что, Люсенька? – заулыбалась соседка. – А вот я тебе пирожка с вареньем дам, хочешь?

– Хочу, – кивнула девочка.

Люся получила пирожок, мандарин и конфету «коровка» от внезапно расщедлившийся Клавдии – уж очень хотелось знать, как поживает богатая, внезапно обретенная Галиной родня. И две взрослые женщины, оставив дела, так и сяк заискивали перед девочкой. Люся с полным

ртом, роняя крошки на пол, выдавала скупые ответы и совсем не про то, что они ждали. Вот бестолковая! Ничего запомнить не может. Про телевизор сказала, а цветной или черно-белый – нет. И какая обивка у дивана? Что значит мягкая? Гобелен или другая ткань? А ковёр только на полу или ещё на стене есть? Да что она с закрытыми глазами, что ль, там ходила?

Ну ясно: толку не добьёшься. Лучше пойти на кухню и нормально поговорить.

– Нет, ну вы подумайте, Клав Семёновна! – обиженно поджав губы, воскликнула Галина, как всегда, привалившись спиной к стене и безвольно опустив руки. – Вот ей лишь бы меня уесть. Смотри, мол, ты бедная, а я богачка! Купила костюмчик – спасибочки. Он же дитю в самый раз, а на следующий год уже мал будет. На вырост надо было брать. И сарафанчик тоже впритык. Месяц-два пройдёт – и заднюшка наружу. Ишь, благодетельница!

– И не говори. Да где ей сообразить, она ж бездетная, денег воз, а как тратить – не знает. Ты, Галя, ей так и скажи: вы мне лучше деньгами давайте, я сама прикуплю, чего следует.

– Конечно! Я ж мать, мне виднее.

– А шапка-то, кроличий пух, денег хороших стоит. Вишь, для девки ей, значит, не жаль. А ты и пользуйся. Раз мужик тебя объегорил, хоть с евоной сестры получишь. Это по справедливости станет. Да и куда ей тратить-то? Муж помер, брат помер. Только на племянницу. Тебе покамест с ней ссориться резону нет. Вот устроишь свою жизнь, тогда и от ворот поворот. Хотя... нет, Галя, надо наперёд думать. К примеру, вырастет девчонка да приведёт жениха на твою площадь – и не выгонишь. А так, скажешь, живите, мол, у тётки, она одинокая, а помрёт – и у молодых отдельная квартира.

На Галин лоб набежали складочки. Клавдия Семёновна права, конечно, как всегда. Уж она об жизни всё знает лучше всякого профессора. Но выходит, придётся лебезить перед Натальей ещё невесть сколько времени. И не получится поставить нахальную сестрицу на место?

– Так-то оно так, Клав Семёновна, а если она в другой раз замуж выйдет? Чего ж, ей сорока нету, – плаксиво загнусавила Галина, словно родственница своим новым браком пытается увести из-под носа заманчивое наследство.

Соседка на мгновение замолчала, потёрла переносицу. Подумать надо. Но тут же подмигнула и знающим тоном бросила:

– Да кто польстится-то? Баба не молоденькая, характер, по всему, видать, не сахар. Мужики молодых любят, покладистых. Да, Галя, как у вас-то?

Соседка слегка порозовела.

– В кино ходили. Теперь, должно, в гости позовёт.

– Идёт у вас, идёт, – энергично закивала головой Клавдия. – Ты уж цепляйся намертво. Видишь, как хорошо складывается, и ребёнка теперь есть куда спихнуть. Отдала тётке на выходные – и свободная птица.

– И то верно, а то ни к себе позвать, ни самой уйти – одна морока, – Галина вдохнула и тут же протяжным голосом добавила: – Я ж мать, мне главное, чтобы дитя в полной семье росло как полагается.

В отличие от Гали Наталья быстро все мысли о ней из головы выкинула. Свои дела есть. С утра понедельника поехала в центр устраиваться на работу. Из метро вышла красная, потная, шапка набекрень – в такую толчею угодила, жуть. И лица у всех хмурые, не выпавшиеся. Да уж отвыкла она от такого давным-давно. И чего все так стремятся в столицу? Сбавила шаг – хоть отдышаться толком и остыть после потного, битком набитого поезда метро.

Заведующая ателье головных уборов оказалась точно такой, какую Наталья и представляла. Полная блондинка чуть за сорок. С не слишком-то ладно положенной косметикой. Волосы уложены в затейливую причёску и щедро залиты лаком. Вот к бабке не ходи: спать она ложится в шёлковой косыночке, чтобы начёс не помять. Одета хорошо и по стандарту кольца, серьги и все с крупными в глаз быющими камнями. Лицо сонно-равнодушное, а глаза словно

отдельной жизнью живут. Как два пронырливых мышонка обшарили посетительницу с головы до ног быстрее, чем Наталья представиться успела. И тотчас в блёклых серых глазах отразилась стоимость всех увиденных вещей с точностью до копейки.

– Видите ли, Наталья Валентиновна, я бы, конечно, вас взяла, но у меня свободных штатных единиц нет, – протянула заведующая.

Наташа тотчас смекнула, что врёт будущая начальница как сивая кобыла и не краснеет. Но она прекрасно такой тип людей изучила и даже бровью не повела на отказ. С понимающей улыбкой глядела на собеседницу.

– От души хотела бы помочь, – продолжала заливаться заведующая. – Но штат-то не резиновый, сами понимаете.

– Ещё бы! – с воодушевлением воскликнула Наталья, расстегнув пальто, чтобы лучше видно было импортное трикотажное платье, и закинула ногу на ногу, давая понять, что не та она соискательница, что кивнёт обречённо и поспешит восвояси. Просидела в кабинете больше получаса. К концу беседы чуть ли не подругами стали. Анна Леонидовна с фальшиво-скромной улыбкой приняла в подарок сувенирную шкатулочку и флакон духов «Сандал». Ну и как не помочь такой приятной женщине? Разве ж она противозаконное что делает? Петракова уходит в декрет, стало быть, место хоть и временное, да нашлось. Можно хоть сейчас идти в кадры и оформляться.

Анна Леонидовна вышла в приёмную и кивнула секретарю – сухопарой рыжеволосой женщине.

– Ирочка, приказ напечатай, потом занесёшь, я подпишу.

– Так у нас же мест нет.

– Ай, брось, – махнула пухлой рукой заведующая. – Эта Петракова ещё не известно, вернётся ли из декрета. Такая необязательная и работник так себе. У этой дамы и опыт работы больше, и трудовая загляденье. Деток не имеет, значит на больничном сидеть не станет и отпуск требовать в неположенное время. И потом подумай только, она же, бедная, недавно мужа схоронила, героически погибшего. Не по-людски это в такой ситуации участия не проявить. Я как женщина очень сочувствую. Ты же знаешь, я человек такой: если надо кому помочь, так в лепёшку расшибусь, себе во вред сделаю, а другим помогу.

При этих словах Ирочка низко нагнулась над столом вроде как в ящик стола за бумагой, скрывая ехидную усмешку. Благотельница нашлась – да у неё зимой снега не выпросишь, та ещё пройдоха.

В первый рабочий день Наталья принесла торт «Прага» – проставиться положено. И довольно быстро расположила к себе коллег. Приятно иметь дело с человеком, у которого видимых проблем нет. Как например, у бедолаги Петраковой. В декрет собралась, а сама не замужем. Наташа прекрасно знала, что вызывать жалость – последнее дело. Неудачников вечно сторонятся. Изо дня в день сочувствовать – так на свои горести времени не хватит. Уж куда лучше окружать себя людьми удачливыми, что лишний раз ни денег, ни помощи не просят. Да разговору нет – помогать ближнему дело хорошее, но... хорошо, когда сам предложил и знаешь наверняка, что откажется. Вроде и доброту проявляешь и не внакладе. Вот Наталья и оказалась той самой удобной коллегой. По рассказам Ирочки, женщина не бедная, поскольку работала на севере. Квартира есть, шмоток навалом. А что вдова, жалко, конечно, но опять же, не сидит, как ворона, вся в чёрном, бросая мрачные взгляды исподлобья. Бабёнка весьма видная, молодая, бойкая. Вполне может личную жизнь устроить.

Довольная устройством своих дел, Наталья благодушно решила, что опять возьмёт племянницу на выходные. Сказать по совести, первые дни она радовалась, что дома тихо, чисто и спокойно. Не то что с Люськой – вся квартира вверх дном. А потом заскучала, вспоминая, какая племянница была хорошенькая после купания. И как уютно было лежать с ней в обнимку на диване. Конечно, невоспитанная она, шептунья, вертлявая. Но это же Андриюшина дочка.

И Наташа стала себя уговаривать, что ради памяти брата надо непременно принимать участие в Люськиной жизни. Опять же, будь Галя правильной матерью, так и разговору нет. Эдак можно просто на праздники гостинцы привозить. А если мамаша рыба снулая, соплежуйка, ну как бросить ребёнка на произвол судьбы?

Теперь Наталья основательно подготовилась. Даже причину придумала приличную: вроде как у неё лес рядом и, стало быть, воздух чище, чем на «Соколе». А то ребёнок бледный какой-то – разве хорошо? Неприятно царапнуло, что Галя восприняла как должное, даже причитать не стала. Вот наглая! Рыба-рыбой, а своего не упустит. Правда, по обыкновению выдала парочку фраз дежурных:

– Спасибоочки, Наташенька, я и сама переживаю, что Люсенька бледненькая стала. Я ж мать, сердце-то болит, как дитя без воздуха.

Тьфу, кликуша нудная. Таращит свои пустые глаза – ни стыда ни совести! Сердце у неё болит – да-да, ври больше! Лишний раз зад от стула не оторвёт с ребёнком погулять. Да ну её к лешему. Хорошо хоть, денег не клянчила. Пыталась, правда, намекнуть, что она сама могла бы вещи дочке купить. Ну не на ту напала. Наталья на эту провокацию не поддалась. Сделала вид, что не понимает, о чём речь. Словом, все при своём интересе. Про Людмилку и говорить нечего – кинулась к тётё, чуть воспитательницу с ног не сшибла. В такие моменты Наташа смягчалась, заранее прощая все ужимки и кривлянья, на которые племянница была та ещё мастерица. Забрала Люсю поздно, ехала с работы и в «Смену» попали почти перед закрытием. Но не зря, выбор был получше, чем в Тушинском универмаге. Прямо повезло, что Наталья была женщиной оборотистой и деловой. А что, не схитришь маленько, так и простоишь в длиннющей очереди в аккурат до закрытия.

Люська проскочила мимо продавцов и замерла возле вешалок, как тётя велела. И Наталья, минуя очередь, бесцеремонно направилась в отдел. А зашумевшим покупателям и раздражённым продавцам спокойно ответила, что у неё ребёнок потерялся, вроде сюда забежал.

– Люда, Люда! – зычно крикнула она.

– Я тут! – тотчас откликнулась девочка, не трогаясь с места.

Наталья окинула недовольных победным взглядом и оказалась за вожаемым прилавком. Продавцы только плечами пожали: нашёлся ребёнок – и слава Богу.

– Граждане, не занимайте там, полчаса осталось, всё равно не пройдёте.

По дороге домой Наталье стало немного совестно. Выходит, она учит Люську ловчить и обманывать? Ну прям! Кого они обманули-то? Не украли, не пихнули. Зато купили пару синтетических колготок с рисунком. Сорочку ночную, комплект майка и трусики. Вроде румынские или польские – дома рассмотрят. И юбочку клетчатую, всю в складках. Ну вот, всё же ради ребёнка! А встали бы в очередь как все – и привет. Это Галька работает до обеда, может хоть полдня в очереди маяться. Это как раз по ней, вздремнуть ещё успеет. Ну и всё, главное, Люся будет одета как надо. Как полагается Андрюшиной дочке.

Вышли гулять во двор и, к удивлению Натальи, оказалось, что там полным-полно ребятшек. А она и не замечала раньше. Люся вмиг себе друзей-подружек нашла и с визгом носилась по детской площадке, падала в снег, хохотала, забираясь на хлипкую деревянную горку и кричала странные, но всей ребятне понятные заклинания:

– Отход! Куриный пароход!

Мамы и бабушки, что гуляли с детишками помладше, охотно вступали с Натальей в разговоры. Даже компания курильщиков подобралась: две мамы, один папа и бабушка. С прогулки обе ушли довольные. Уставшая Люся еле проглотила обед и уснула. Как в саду положено – тихий час. Наталья с каким-то непонятным умилением развесила на батарее мокрые рейтузы, покрытые льдинками, варежки и даже косынку, что повязала племяннице под шапку для тепла. На другой день ходили в кино на утренний сеанс. Шёл сборник мультфильмов. Люська так громко выражала восторг, что Наталья едва со стыда не сгорела. Оказалась, что

в кинотеатр племянница попала впервые в жизни. Ну что делать? И, чтобы справиться с нарастающим раздражением, Наташа мысленно вновь принялась крыть Галину на чём свет стоит. Иначе не миновать девчонке увесистого шлепка. Домой Люсю везла с не меньшей радостью, чем из дома. Уму непостижимо, не ребёнок, а мартышка какая-то!

Галя при встрече показалась более оживлённой. Денег не клянчила, стояла, переминаясь с ноги на ногу, явно в надежде что гостя от чая откажется и не засидится в гостях. А она и не собиралась. Вот ещё радости сидеть в затхлой комнате и слушать нищенские песнопения.

Месяца через два стало казаться, что жизнь постепенно вошла в привычную, хоть и новую колею. Наталья довольно быстро сошлась с некоторыми соседями по дому, появились и подруги на работе. И щемящее чувство одиночества стало отступать вместе с саднящей раной потери. Ну конечно, такое и за всю жизнь не забудется. Но старики верно говорят: занять себя надо делами, так и на тяжёлые думы времени не останется. Люську старалась забирать на выходные, даже предлоги надоело выдумывать. В конце концов, она девочке родня, имеет право. Старалась только, чтобы Галина не очень-то себе возомнила. И за ребёнком приезжала с каменным выражением лица, вроде как одолжение великое делает. Труднее приходилось с Люсиным воспитанием. Судя по девчонке, родная мать не слишком об этом заботилась. И теперь Наталья уже не стеснялась прикрикнуть, сделать замечание и пару раз хлопнула по попе, не сильно, конечно, а так, для острастки. И, к полному её удовлетворению, Людмила истерику не устроила, губы надула на пять минут и всё. Вишь, умная девчонка, не в Гальку уродилась. Смекнула, где можно безобразничать, а где лучше не нарываться. Наташа обращалась с ней так, как, по её разумению, надлежит обращаться с детьми, чтобы выросли из них порядочные люди. Может, и не слишком правильный был этот порыв, зато от души. Она пединститута не заканчивала, чтобы по науке церемонии разводить. Ну правильно или не правильно – Люсю это устраивало, если она каждый раз к тёте навстречу бежала, словно сто лет не видела. Эх, дитё оно и есть дитё, тянется к тому, кто с душой. Наталья только теперь поняла, что равнодушие Галины к воспитанию дочки основано на её равнодушии к ней вообще. Поела, не голая – и ладно. Интересно, она хоть раз ребёнка на руки брала вообще? То-то Людмила ластится к тёте как котёнок. Сядут телевизор смотреть, она сразу на руки лезет. Под утро каждый раз забирается к Наталье на диван. Даже надоело за каждым разом две постели стелить. Стала ложиться вместе с девочкой. Чего ж кровать двухспальная за просто так стоит?

Сходили пару раз в гости к соседям с пятого этажа, Трегубовым, поиграть с их дочкой Светой, Люсиной ровесницей. И к пожилой Ольге Тихоновне на чай с булочками. Врач Ольга Тихоновна была бездетной, жили вдвоём с мужем, тихим уютным Павлом Евгеньевичем. Люська отчего-то ужасно им нравилась, дарили маленькие подарки, угощали конфетами. Вроде всё складывалось хорошо и правильно, но Наталья, каждый раз проводив племянницу, испытывала облегчение, что не обязана заниматься ею каждый день. Раз в неделю – пожалуйста, с удовольствием, а всё время – нет, уж увольте. Она в матери не годится. С самого рождения братишки эту завидную должность получила, хоть и не по желанию вовсе, а силком, да по доброте и собственной жалости. Хватит с неё, намамкалась по самое горло. Вот как на духу: не было бы у Андрея дочки, сроду с дитём возиться бы не стала. Может, какие-то женщины от бездетной своей участи мучаются и переживают, но во всяком случае не она. Да и муж покойный, Витя, никогда не изводил упрёками. Не получается – что ж, судьба, видно, такая, да и Андрейку надо на ноги поставить.

Люська с упоением раскрашивала картинку. Аж язык от усердия высунула. Это же прямо чудо-расчудесное, картиночки бледные, а проведёшь мокрой кистью – и сразу цвет! Без красок, одной водой! Недаром называется «волшебные картинки». Наталья сидела рядом, перебирала гречку на ужин.

– Таша, а у меня скоро папка будет как у всех, – внезапно бросила племянница, продолжая водить кисточкой по бумаге.

– Какой ещё папка? – приподняла бровь Наталья.

– Обычный, – пожала плечами Люся. – Мамка поженится на Кефирыче, и он станет мой папка.

– Чего придумала, вот болтушка! – рассмеялась Наталья. – У тебя был папа, только он... он... – осеклась, не хотелось произносить вслух слово «умер», а как объяснить по-другому – не нашлась.

– Не-а, не было, – утвердительно кивнула девочка. – Теперь только будет, Иван Кефирыч зовут.

– Да не бывает такого отчества! – радуясь, что проскочила скользкую тему, ответила Наталья.

– Бывает! Я, что ль, обманушка?

– Хм, ты хоть сама его видела, или мама сказала?

– Видела, сама. Старенький, не как деда Крутиков, но старенький.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.